

Международный интернет конкурс
"Страница семейной славы"

Творческая работа

«Воспоминания участника Великой Отечественной
войны Кустова Иван Ивановича»

Автор работы: Чиганова Ольга Сергеевна, студентка 4 – го курса
ГБПОУ «Некрасовский педколледж №1», член отряда
«Патриот»

Руководители : Абрамова Татьяна Станиславовна, специалист по работе с
молодёжью МБУ «Клуб «Энгельсская молодёжь»;
Кляйнфельдер Наталья Евгеньевна, учитель русского языка
и литературы МОУ "СОШ № 31" ЭМР Саратовской
области

ДЕТСТВО ВАНЮШИ

Родился я в городе Калининске, Саратовской области, или по старому административному названию и делению в селе Баланда, Аткарского уезда Саратовской губернии, в семье рабочего-шорника.

Отца было звать-Иван Матвеевич кустов; мать-Прасковья Степановна. Жили они на «Дорминой» улице (теперь – Большевицкая улица), и я этот дом не помню и не знаю, потому что вскоре после моего появления на свет 5 октября 1906 года (а по старому стилю, как и тогда считали – 22 сентября 1906годамой родители переехали в новый дом на улицу Кустовку. Здесь и протекали мои детские годы.

По тогдашнему обычаю меня на седьмые сутки после рождения «крестили» в нашей приходской Введенской церкви и нарекли Иваном в честь отца, так в течении шестидесяти лет уже называюсь Иваном Ивановичем. Хотя, как в последствии рассказывала мать, ей очень хотелось назвать меня Сашей.

Считаю, что лучше всего начать с того времени, когда я начинаю сам себя помнить, от части, по рассказам своих родителей-папы и мамы. Помню я себя с трех лет. В 1909 году в Саратовской губернии был замечательный урожай. Как рассказывал отец, «сотельник» (это-4 десятины) давал 800 пудов зерна», то есть по 200 пудов, или по 33 центнера с одного гектара. Летом сотни батраков и беднейших крестьян, в большинстве мордва и украинцы по национальности, приехали убирать помещичий хлеб. Они шли на сезонные работы к барину-графу Шереметьеву, крупным землевладельцам Нарышкину, Ухину, Храповнику, князю Куткину, графине Шуваловой и др. вот эти, так называемые «наемки» и отправку рабочей силы на хутора господам я хорошо помню. Отец меня брал с собой на рынок, где заключались торговые сделки приказчиков с батраками, последние ругались, называли помещиков – «кровопийцами», «обдиралами», приказчиков «барскими шкурами», но вынуждены были на все соглашаться и ехали батрачить. Обычно к вечеру вместе с ними отец уезжал тоже в имение к помещику Ухину, которое находилось у села Рыбушка большой Копёнской волости Саратовского уезда.

Первым моим другом детства был одноклассник и жил он на одной улице – Борис Кустов. Часто мы вместе играли, обедали, ночевали, дрались, плакали и опять продолжали дружить. Из воспоминаний детства можно привести три памятных случая.

Первый случай. Был солнечный ветренный день июня месяца. Приходим в дом к Борису, дедушка его, Матвей Захарович, рассказывает: - «Да, пошло дело, деготь-то на две копейки за фунт дороже стал. Вот жисть-

то! Телеги нечем подмазывать, придется самим из березовой коры гнать. -А как гнать та? -спрашивает мой дружок. -А вот так, -говорит отец Бориса-Николай Матвеевич. – В котел кладут хорошей березовой коры, под котлом разводят огонь, от тепла в посуде получается деготь, а будет он гораздо дешевле купленного. Вот тебе и не дорогая смазка и телег, и обуви».

У нас и блеснула мысль, -а что, если самим попробовать сварить деготь и удивить всех? От замысла переходим к его осуществлению: во дворе у Бориса валялась старая чугунная керосинка, тут же у них были березовые дрова. мы часть поленьев ошкурили, приготовили коры, нашли маленький котелок и принялись за дело. Чтобы нас никто не заметил, мы зашли в сарай, крытый соломой, в уголке приготовились к добыче дегтя. Но не оказалось спичек. Друг пошел в дом за огнивом.

«Принес?»-таинственно спросил я. Боря ответил положительно. Положив кору в котелок, а в керосинку сухую солому и щепки, мы только хотели поджечь и приступить к делу, как вся наша затея потерпела крах: -моя мама пришла к Кустовым звать меня домой, и она вместе с матерью Бориса-Ольгой Григорьевной пошли искать нас, где и попали на наш след в сарайчике. Конечно, как застали нас на месте «преступления», отобрали спички, разорили все наше сооружение, а нас обоих поругали и побили. Досталось, в общем, на орехи.

Второй случай. В жаркий августовский день, кажется, 1911 года, мама вывесила во дворе сушиться зимнюю одежду, тут же был для просушки выставлен сундук. Меня и сестру Лиду мать оставила караулить шубы и пальто, а сама ушла куда-то. Сестра попросилась сходить на речку искупаться. Приходит ко мне Борис. Мы караулили с ним одежду, играли, потом захотели кушать. Поев пирожков с яблоками, начали играть в прятки. Боря залез в сундук, сам закрыл крышку, я начал его искать; потом мы ролями переменялись, он меня искал. -Давай оба в сундук спрячемся-предложил я. -Попробуем, -говорит он.

От слов переходим к делу: залезли в скриню и закрыли себя крышкой. Так проделали два-три раза и все удачно. Но в четвертый раз вышел несчастный случай. Когда закрыли этот злосчастный сундук, то открыть его сразу не удалось. -Открывай, Ваня! -А ты что, сам поднимай! Крышка очень тяжелая и я очень устал. После пререканий решили оба головами и руками упереться в верх и попробовать приподнять крышку сундука. Но, как говориться, существенных успехов не было. Оказалось, что накладка (запор) у крышки наложилась на петлю (пробой), и мы сами себя захлопнули в сундуке. Первоначально было весело, но вскоре надоело играть в потемках, а потом мы испугались: стало душно, жарко и без доступа свежего воздуха мы боялись, как бы не задохнуться. Кричали и ревели, стучали руками

(кулачками) в крышку и стенки сундука, но к сожалению, нас никто так и не услышал, а сестра Лида, искупавшись в реке стала с подружками играть на берегу. Но вот пришла мама домой и нас выпустила. Вид у нас был очень жалкий, и только благодаря тому, что сундук был старый, между крышкой и ящиком была небольшая щель, мы могли немного дышать и не задохнулись. На это раз нас не ругали.

Если первые два случая произошли в летнее время, то на память встает 3 случай, происшедший в зимний период. Сестра с подружками катались с крутой горы на речке на ледянке, сделанной из старого решета, облитого несколько раз холодной водой и к утру похожей на ледянку. Однажды они взяли и меня, был как говорят, «крещенский мороз». Валенки у меня были старые, шубейка, подбитая ветром, почти не грела, а на варежках пальчики прохудились. Катаясь по очереди с Лидой с горы, я вероятно не заметил, как пальчики на руках сначала сильно озябли, потом стали замерзать. Начал реветь, сестра повезла на ледянке домой, и пока добрались до хаты, да залез на теплую печку, чуть не отморозил пальцы на правой руке, помню, ещё долго-долго большой и мизинчик болели, так как сначала они распухли, а потом на них шелушилась кожаца

1912 год. Старшая сестра Лидия училась в Баландинском двухклассном училище, которое прозвали «Министерским», оно находилось в ведении Министерства Просвещения, в отличии от церковно-приходских школ села и Казенной земской 4-х отделений школы. В этом училище теперь находится так называемая «синяя школа» с восьмилетним сроком обучения.

Я был весьма понятливым мальчишкой и память была хорошая. Сестра учила наизусть стихотворение Алексея Николаевича Плещеева «На берегу». Быстро со слов сестры, запомнил его я и вместе с сестрой выучили наизусть.

Ради справедливости нужно сказать, что у нас еще была маленькая сестренка Катя, умершая в возрасте семи лет. Точно ей посветил свое второе стихотворение А.Н. Плещеев «Шаловливые ручонки». Сестренка Катя была подвижной и умной девочкой, она тоже, как и я не умела читать и писать, но вот это стихотворение «Шаловливые ручонки» она выучила наизусть. Катя была подвижная девочка, общительная; мы долго и сильно жалели о ее безвременной и ранней кончине... Отец работал у помещика Нарышкина, (уйдя от землевладельца Ухина). Работал он шорником-мастером по изготовлению из ремней и кожи упряжи-сбруи для лошадей: уздечек, шлей, недоузоков, хомутов, постромок, ремонт этой упряжи; теперь такая профессия-редкая, а лет 70-60 тому назад такая работа считалась обычной, и их в нашем и других селах было много.

Имение барина Нарышкина находилось в 28 верстах от Баланды; ежедневно с хутора Песчаной Экономии ездил за корреспонденцией почтарь, а по воскресеньям его заменял отец, чтобы письма и газеты получать в Баландинск. Отделение связи и повидаться с родными дома. Только в 1913 году, через шесть лет работы у помещика Нарышкина, папа получил небольшую казенную квартиру, и в ноябре месяце мы всей семьей переехали жить на хутор. Из дорожных впечатлений помню: снег еще не выпал, мы ехали на двух пароконных фурах, погрузив на них сундук, столы, 2 стула, 3 табуретки, 2 кровати, кур, буренку и нас – выводок ребятишек.

Едва только выехали из Баланды за элеватор (ехали мы на запад), как у меня начали зябнуть ноги. Мать спрашивает: -Ну как сынок, ноги не озябли?

-Немножечко, - отвечаю. -А ты, если пальцы будут сильно мерзнуть, то их в валенках шевели. Оно и теплее будет.

Я, конечно, старался в рваных старых валенках пальчиками ног шевелить, но результат был плачевный-по-прежнему зябли не только ноги, но и все тело. Холодно и неудобно было сестрам. Зябли и сами родители в шубейках, подбитых ветром «на рыбьем меху». Они шли рядом с подводами, понукая лошадей и стараясь на-ходу немного согреться. Но им жаловаться-то было некому: как говориться, до бога высоко, а до царя далеко. На пятнадцатой версте от Баланды есть так называемая гусиная гора, подъем на которую очень труден и долог (около двух верст). Лошадей приказчик хутора дал неважных, за день мы так и не добрались до места и заночевали на ближайшем хуторке от Песчаной Экономии. Уже на следующий день часов в 12 дня мы приехали в барское имение.

Поместье богатого землевладельца Нарышкина под названием Песчаная Экономия было частью его крупных владений. В разных концах матушки-России у Нарышкиных были усадьбы, хутор аи имения, например, в Падах (под городом Балашовом), под Москвой, а в самой первопрестольной называлась целая улица Нарышкинская, застроенная домами помещика и сдаваемыми под аренду мелкому московскому люду: чиновникам, мелким служащим, мещанам. Дворянский род Нарышкиных ведет свою историю с времен царя Петра I.

Главный хутор Песчаная Экономия представлял из себя неправильной формы четырехугольник, окаймленный искусственными прудами, вырытыми руками крепостных ещё в середине прошлого столетия. Дома для рабочих были деревянные корпуса, контора – кирпичное здание.

Отдельно стояли помещения управляющего имением и каменный четырехэтажный хороший особняк самого барина, который, кстати сказать, сам здесь, в этой глуши, редко проживал. Это имение состояло из главной

усадыбы Песчаная Экономия, на которой работал мой отец, и еще четырех отделений (хуторов), названных в честь потомков: Натальинский, Кирилловский, Васильевский и Львовский.

В имении культивировали посеы ржи, пшеницы, овса и много было сенокосных угодий. На хуторах разводили крупнорогатый скот, лошадей и тонкорунных мериносовых овец, для которых были построены специальные кирпичные помещения, крытые соломой, так называемые кошары.

Убирали хлеб машинами: сноповязалками, лобогрейками, жатками на конной тяге, молотили снопы сложной машиной-молотилкой, которую приводил в движение локомобиль, отапливаемый соломой. Зерно убирали в большие склады, амбары, а зимой, по первопутку на санях вывозили на станцию Баланда, продавая хлеб за границу. Лошадей в имении было много и сбруи для упряжки требовалась в большом количестве. А отсюда – должность шорника, как и кузнеца, плотника, мельника, машиниста и слесаря в имении была нужна.

Во главе всего имения стоял главный управляющий, затем – на каждом хуторе были главные приказчики, потом – шли просто приказчики, и, наконец, последнее начальство – были объездчики. В 1913-1914 г.г. в Песчаной Экономии особенно прославился главный приказчик, имевший прозвище «Бушуй», за жестокий характер и часто без дела кричавший на рабочих и батраков. В конторе, подводя итоги чистых прибылей помещика, трудились главный бухгалтер (И.В. Сермягин), конторщики (счетоводы), табельщики и письмоводители.

Ни школы, ни больницы в Экономии не было, хотя семейных рабочих, батраков и служащих было много. За каждым, или вернее, с каждым пустяковым заболеванием приходилось ехать в Казачку, приказчик Бушуй лошадь не давал, часто нуждающиеся в медицинской помощи в больницу ходили пешком. Дети росли неграмотными, некоторые мальчики учились или в Казачке (12 верст от хутора), или в Баланде. Дети управляющего Белокудрина – сын Михаил и дочь Любовь – учились в Саратовском университете, дети приказчиков – в Баланде.

Наша квартира состояла из двух небольших комнат и маленькой комнаты кухни. Первым моим товарищем на хуторе был сын кузнеца Ивана Александровича – Вася Видин. Мы как-то с ним сразу сошлись, том-более, что квартиры были рядом. У них семья была большая: старшая сестра Мария (теперь она в Баланде работаем детским врачом), братья Николай, Степан и Петр. С Василием мы были одноклассниками. Часто мы с ним пропадали по целым дням: ходили в рощу, на поля, на мельницу, на руды, где летом купались и руками ловили раков. На хуторе была большая роща из березовых

и ветловых деревьев. Каждую весну на старые гнезда сюда прилетали сотни грачиных семейств. Мы с другом Василием и другими ребятами ходили в рощу, залазили на деревья и из грачиных гнезд брали яйца, затем шли в поле к остаткам омета соломы или сена, разводили большой костер, клали в него нашу добычу – пекли грачиные яички и с большим удовольствием и в большом количестве их поедали.

Однажды ранней весной зашли на зяблевую глубокую пашню, по которой только что прошла полая вода. Зашли-то мы быстро, а выйти насилу сумели: сильная грязь на пашне нас всасывала в свои объяття, и мы с большим трудом выбрались на сухое место. Весной поля покрывались красными тюльпанами как их называли «лазоревы цветы». Мы нарывали их целые большие букеты, приносили домой, чему родители душевно были рады. В августе месяце в барском саду поспели яблоки. Ну кто же в детстве не лазил в чужой сад? А у нас и своего сада не было. Степан, Василий Видины и я пошли на промысел. Старший брат остался на страже, а мы с Василием, подняв колючую проволоку-ограду, забрались на анисовку-яблоню. Сторож, конечно, нас заметил, начал кричать, с перепугу мы забыли в каком мести подняли проволоку, кинулись в другую сторону, быстро стали подлезать, и из-за торопливости Василий «спустил на себе штанишки, а я сильно порвал свою старенькую несколько раз стираную ситцевую рубашку». Дома, конечно, обоим досталось.

Первое время меня удивило отсутствие больших лесов на хуторе и возле него. Дров отцу не давали, все рабочие свои русские печи и голландки отапливали соломой, которой здесь было много; матери особенно это не нравилось: дома в Баланде, она печи топила дровами и кизяками, хлеб мы в основном покупали в частных магазинах. А здесь лавочек хлебных не было и из ржаной муки самой ей приходилось выпекать хлеб; но на первых порах у мамы ничего не получалось, особенно когда сажала в печь подовые караван.

Зимой часто были большие снежные бури, продолжительные метели, приносившие громадные сугробы снега чуть не вровень с крышами домов. На узких полевых дорогах проезд был только в один след, и при встречных разъездах крестьяне всегда спорили, кому сворачивать с дороги в сугроб. Во время таких буранов снег заносил все двери и наметал большие сугробы. Наша квартира в большом флигеле была крайняя, ей доставалось больше всех, в таких случаях отец стучал в стену соседу, и Иван Александрович Видин брал лопату, приходил расчищать нам выход на свет божий.

Мы – сестры и я – бывало, в эти дни сидим целыми днями на печке и
«... Только ветер воет
Жалобно в трубе

И начну у мамки
Сказки я просить,
И начнет мне мама
Сказки говорить»

Безусловно, электрического освещения в это время на хуторе не было, как и не имелось еще и радиопередач по эфиру. Правда, отец хотя был и малограмотный, но выписывал газету, кажется «Русское слово», а еще мы получали популярный в то время семейный журнал «Нива». Читала его или передавала содержание прочитанного старшая сестра Лидия, или когда она была в Баланде (училась в 2-х классном училище), то мать нам читала или отец по слогам.

Школьные товарищи

На хуторе Песчаная Экономия наша семья жила 3 года, а я два с половиной года, так как последнее полугодие учился в Баланде. Этот знаменательный шаг и школьные мои товарищи памятен мне до сих пор. Особенно запомнил поступление в Казённую начальную школу. Уже после я составил хронологическую таблицу годов обучения

Вот она:

1914/15 учебный год – учился дома (на хуторе),
1915/16 ----- - 1 отделение Казённого училища Баланда
1916/17----- - 2 ---
1917/18----- - 3
1918/19----- - 4 окончил начальную школу
1919/20 учебный год I-я группа (класс) школы II ступеней
1920/21 ----- - II ---
1922/23 учебный год – III группа школы II ступеней
Реорганизация школы
1923/24 учебный год IV группа ---
1924/25 учебный год V (9-я)
9 лет начал учиться, 19 лет закончил среднюю школу.
С 1925 по 1930 год состоял в рядах В.Л.К.С.М.

В 1932/33 учебный год – 1-й курс Саратовского Государственного пединститута.

1936/37 – IV курс пединститута.

В 1938 году – сдал Государственные экзамены – получил высшее образование;

В 1939 году получил диплом об окончании ВУЗа...№069896

Итак, осенью 1915 года меня отправили в Баланду к дедушке – Андрею Егоровичу (неродному отцу мамы) и бабушке Екатерине Егоровне Пятачковым, у которых я жил, (они умерли еще до начала Великой Отечественной войны).

2 сентября 1915 года бабушка повела записывать в Баландинскую Казённую начальную школу, находившуюся на Ерморочной, (теперь Советской) улице, дом №25. Здание школы занимало 2-х этажный особняк, построенный в 1897 году – нижний этаж - занимало училище для мальчиков, второй этаж - занимало Сельское волостное управление. Бабушка, Екатерина Егоровна, записала меня в I-е отделение, (как тогда называли), сдала на попечение педагогу Георгию Гавриловичу Шаповалову, и ушла домой. Я впервые в жизни остался среди такого большого количества, как 50 человек мальчиков, ставших впоследствии моими школьными товарищами по классу на 4 года учебы. Здесь сразу встретил знакомых с нашей улицы одноклассников: друга Бориса Кустова, Василия Кустова, Васю Подгорнова, Дмитрия Цыплакова и других. Многие фамилии мне оказались неизвестными, например: Костя Ефимов. Михаил Макиенко, Иван Филимонов, Развин и др.

Когда-то я спрашивал родную:

- Мама, почему у тебя так много знакомых, с которыми ты здороваешься при встрече?

- А вот поступишь в школу, сынок, и у тебя будет больше школьных товарищей и знакомых.

Она оказалась тысячу раз права. Я был общительным мальчиком, и сразу сошелся со многими первоклассниками, в том числе и такими ребятами, как Борисовский Митя, Цыплаков Дмитрий, Ефимов Костя, проживавшие со мной на одной улице деда – улице Городок.

Несколько слов о дореволюционной Баланде

Старая царская школа во многом отличалась от современной Трудовой советской школы. Прежде всего, программы были составлены в духе «триединства» за веру, царя и отечество – обучить нас письму, чтению и

счету, прививать квасной патриотизм и «бога бойтесь, царя чти»; да и учебники были составлены таким образом, чтобы оправдать власть имущих, а рабочим и крестьянам и богом предписано чертомелить на своих эксплуататоров: фабрикантов, заводчиков, помещиков, банкиров и купцов. Преподавание так называемого «закона божия» было обязательным для всех, а поп Рубанов, отец Владимир, заставлял наизусть учить молитвы и так называемое «священное писание», жестоко наказывал нерадивых: драл за уши, бил линейкой. Кстати сказать, поп Рубанов оказался предателем-черносотенцем – он на исповеди выпытывал у доверчивых женщин о подпольной работе их мужей нелегальной ячейки РС ДРП; таким образом были преданы Аткарской уездной жандармерии Борисовский, Житков, Шешнев Николай Васильевич и другие товарищи.

В школе процветала жестокая, дисциплина, основанная на страхе, физических наказаниях: провинившихся детей ставили в угол, на колени, а за невыученный урок оставляли после занятий «без обеда». Тяжёлым бременем было так называемое «говение» - в великий пост, за 49 дней перед христианской пасхой. Нас обычно отпускали на неделю на каникулы, мы ежедневно ходили в Рождественскую церковь, должны были выстаивать длинные богослужбы.

У меня осталось в памяти за 2 года до революции 1917 года только то, что мама к этому дню мне шила новые штаны и рубашку и присылала их в Баланду.

В памяти осталось, как нам задавали учить стихотворение, память у меня была хорошая, но у меня остался горький осадок. Стихотворение я выучил хорошо. В нашем классе было 4 ученика Кустовых, в том числе учился ещё один Иван Кустов. Педагог спросил в этот раз нас обеих Иванов, мой однофамилец и тезка рассказал стихотворение плохо, а двойку Шаповалов поставил против моей графы. Только гораздо позже учитель разобрался в этой ошибке.

На улице Городок есть большое болото, называемое Моховое озеро, существующее до сих пор. Осенью от дождей оно разливалось на большое пространство, а в начале зимы замерзало. Мы, с ребятами пошли на Моховое болото, встали в круг на тонкий лёд и спорили, кто дольше простоит. Слабый лёд не выдерживал нас, трещал и предательски давал трещины, но вот он и не выдержал, мы провалились по пояс в холодную воду. К счастью, озеро оказалось неглубоким, с визгом мы выскочили и побежали к берегу. В школу в этот памятный день для меня, я в школу не пошёл, сушился у деда

Рядом с нашим училищем находилась Кирпичная церковь, во дворе которой находилась сторожка. В этом небольшом помещении размещалась

церковно-приходская школа, находившаяся в ведении священного синода с двухлетним сроком обучения. Так как эта Христорождественская церковь имела исключительно украинских прихожан (был украинский приход), то и учащиеся в большинстве своём были украинцы по национальности. В нашей школе преимущественно обучались русские. Между нами- русскими и украинцами, во время перемен и после уроков часто проходили кулачные бои, как тогда называли «стенка на стенку». Борис Кустов и я были задиристыми мальчишками, поэтому во время этих дружеских схваток нам попадало на орехи больше всех, часто приходили домой с «красными соплями» - разбитыми носами.

В зимнее время часто играли в снежки, играли в войну и прятки, а весной со школьными товарищами играли в «чижа», русскую лапту. Летом по многу купались в речке Баланда и так называемом Бобровом озере, это один из протоков реки. Вспоминаю такой случай: посещать школьные занятия до конца учебного года нужно было обязательно. Закона о Всеобщем тогда не существовало. Как только стало тепло, пригрело ласковое солнышко, то одна родительница взяла своего сына из школы и наняла в подпаски, тем более ему шёл десятый год. На этом бедному Ване, так и не удалось закончить первое отделение начальной школы. Педагог на это не принял ни каких мер.

Ещё я помню август 1914 года. Каникулы. Я с сестрой Лидой катаю на тележке маленького братишку Володю (он умер в возрасте двух лет). Был ясный, теплый, солнечный день. Листья на деревьях были ещё зелёными, в барском саду поспели яблоки. Сестра мне напоминает, что скоро кончатся каникулы и ей придётся опять с хутора Песчаная Экономия ехать учиться в Баланду. – А там, через годик и ты, братик, поедешь в школу, - говорит Лида.

Мы с хутора выехали на большую дорогу: Баланда – Казачка. На взгорке показалась подвода, ехал какой-то человек. Была страдная пора, работы было много; приказчик послал отца с почтарём в Баланду, чтобы купить товару (кожи, ремни) для ремонта и новой поделки хомутов, уздечек, постромок и другой сбруи. Мы поравнялись с подводой- на ней был почтарь, он ехал один. – А где же наш папанька? – спросила сестра у него. – Дочка, - отвечает он – Началась война с Германией. Ваш папанька остался в Баланде, он там проходит комиссию, освидетельствуют новобранцев и военнообязанных- запасных, возможно вашего папку заберут в солдаты.

Это известие, как громом поразило сестру. Она разревелась, а глядя на неё, заплакали я и братишка Володя. Весь день в нашей семье прошёл в слезах: мать точно не знала, заберут отца в солдаты или нет. Но мы уже отчаялись увидеть своего кормилица.

Через двое суток отец вернулся на хутор, его не взяли в солдаты. Мы по нему успокоились. Но в других семьях было много слёз и огорчений. По мобилизации с хутора взяли много строевых лошадей для кавалерии, целое стадо баранов и забрали более десятка телег и пароконных бричек.

Интересно, как тогда я понимал войну? Где-то, на далёкой границе с Германией, - вероятно, думал я, - ночью немцы напали на наших солдат, перебили их и теперь захватывают наши земли. Домашние мне разъясняли.

В 1916 году Мы переехали в Баланду. Но радости было мало: ещё на хуторе у помещика Нарышкина, на барской работе от непосильного труда отец нажил себе катар желудка, много болел. Работы по своей профессии – шорника было мало, часто он сидел без дела. А время шло. Я учился, старшая сестра Лидия закончила двух классов училище Министерства Просвещения, (потеперешнему 7 классов), и поступила работать в частную страховую контору «Саламандра», с окладом в 10-12 рублей в месяц.

Небольшой и нерегулярный заработок отца и деньги сестры составляли бюджет нашей семьи. Коровка у нас была, но лошади не было, земли- тоже не было. Осенью и зимой ходили в лес за хворостом, чтобы протопить избу, а в базарные дни ходили на базарную площадь собирали сено и солому, оставшимися после крестьянских подвод. Часто мать, отрывая от семьи бадейку молока, продавала его, чтобы купить соли, спичек или четверть керосина.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

Наступил 1917 год, шел март месяц. Войне и конца невидно. Цены на все товары и продукты питания всё дорожают. Одна мобилизация сменялась другой, не только молодёжь и мужчин среднего возраста, но и более солидные крестьяне, рабочие были взяты на фронт.

Помню, нас почему-то из школы отпустили домой раньше обычного- после двух уроков, и наказали, чтобы мы своим отцам сказали: им всем идти к зданию Волостного Управления. Прихожу домой, папа и мама занимались полезным делом – набивали снегом погреб, старшая сестра была на работе, я передал отцу просьбу нашей учительницы Марии Дмитриевны.

Иван Матвеевич, бросив работу, начал собираться на сход. Вскоре, в необычное время (часов 12 дня), начали звонить в большой колокол в Христорождественской церкви, расположенной рядом с Волостным правлением. Мы с Борисом Кустовым тоже, захватив с собой по куску хлеба, побежали к площади. В это время увидели, как быстро прошёл поезд на станцию Баланда.

Народ стал собираться. Многие спрашивали друг друга, в чём дело и зачем собирают сход.

На площади, перед зданием Волостного Управления был сколочен помост, вроде трибуны, на котором уже стоял весь церковный притч с хором и какие-то новые люди с красными бантами на груди. Вскоре подошла рота солдат, прибывшая с поездом из Уездного города Аткарска. У всех солдат к винтовкам были привинчены штыки, а на штыках были красные флажки.

Когда вся площадь была запружена народом, преимущественно стариками, пришли и вдовы, и солдатки, представитель из Аткарска объявил сход открытым. Он объявил, что в Петрограде, произошла революция, гнилое царское самодержавие свергнуто, а вместе с ним и все тёмные силы, вроде Гришки Распутина. Церковный притч отслужил благодарственный молебен, хор певчих пропел.

Из здания Волостного Управления вынесли большие портреты бывшего царя Николая II Александровича и бывшей императрицы Александры Фёдоровны, прибыли их на длинные узкие планки, и солдаты из Аткарска, «расстреляли» царя и царицу. Так в Баланде «покончили» с династией Романовых.

Начался период Временного правительства с Керенским А.Ф. во главе. Мне в то время было только 11 лет, и политические события того времени я понимал плохо.

Вскоре, в Баланду с фронта, на отдых, прибыла Оренбургская казачья дивизия, 17-й полк которой со штабом расположился в Баланде, а два других – в Большой Ольшанке и деревне Безобразовке.

В то памятное лето часто проводились митинги и собрания. В нашей хате тоже были на постое два казака, которые часто говорили друг другу: - Айда на митинг, братуха, послушаем о чём там гутарят наши господа охвицеры?!

С какой целью казачья дивизия была размещена в нашей волости, я не знал и причины её дислокации – в нашем посёлке я не ведал.

В сентябре месяце 1917 года дивизия и конный полк покинули наше село.

В 1918 год, май месяц. Мне особенно памятна эта дата, 20 мая – папа умер. Я, 12-ти летний подросток, остался в доме и семье и хозяином, и в последствии – кормильцем.

После Октябрьской социалистической революции у помещика национализировали большую пароводяную мельницу, Старшая сестра Лидия

поступила на это, теперь уже народное предприятие; по решению Волостного Исполкома её, как единственную кормилицу в семье, назначили на мельницу счетоводом. Она хорошо помогала нам, так как, кроме зарплаты, им выдавали ещё пайки натурой (мукой). В 1919 году Лида вышла замуж.

В стране в это время шла гражданская война. Власть Республики крепла и очищалась от всякой нечисти, но было много банд. Осколки одной из банд были и в Баланде. Из разбитой белой банды Бакулина, действующей в Заволжье, удалось уцелеть небольшому отряду, который убегая от преследований наших Красных конников, с боями прошёл через город Хвалынский, город Петровск, за городом Аткарском пересёк линию железной дороги, Саратов - Москва. Здесь его чуть не разбили окончательно, бандитский отряд потерял всю артиллерию и начал утекать. Руководил этой бандой белогвардейский офицер Попов.

7 апреля 1921 года банде Попова с налёта удалось захватить Баланду. У нас не было больших воинских частей, а у бандитов численность конников составляла более 1000 человек. Бандиты жестоко расправлялись с нашими активистами, коммунистами. Они разграбили нашу кооперацию, растащили весь хлеб на мельнице и зерно на элеваторе. Бандиты разбили выстрелами цистерны со спиртом и начали вёдрами, котелками растаскивать спирт, напились пьяными, открыли беспорядочную стрельбу, ночью в нашем посёлке был пожар.

На утро следующего дня, прибывшая из Аткарска воинская часть курсантов и бронепоезд № 85, выбили из Баланды и начали преследовать, а вскоре окончательно разбили всю банду.

Мне вспоминается ещё такой эпизод. После разлива и спада воды в речке Баланда мы с Борисом Кустовым, на берегу нашли, вероятно бандитский винтовочный обрез и 2-3 пачки боевых патронов. Мы его и боеприпасы припрятали, а когда начались полевые работы, выехали в поле и там стреляли. Летом мы обрез сдали в органы, так как был строгий приказ властей – всё трофейное оружие сдать.

Если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция, я бы более 4-х классов не имел и не смог бы дальше учиться. В Баланде существовала гимназия, но до 1917 года в ней обучение было только платное, надо было покупать дорогую форменную одежду и учебники. В ней было немного учеников, это были дети богатых. Вскоре Великого Октября, обучение стало бесплатным. В 1917-1918 году я обучался в 3 классе. Нас учила педагог Мария Дмитриевна Потувалова, дочь главного бухгалтера

имения Шереметева. По старым учебникам учиться было нельзя, а новых ещё не было.

В 1918 году нашу школу преобразовали в пятиклассную, пятилетнем сроком обучения. В 1919 году я окончил курс обучения. Имея большое желание учиться дальше, с одной стороны, и выполняя предсмертный наказ отца: -Паша, учи Ваню! – с другой стороны.

Мать 1-ого сентября определила меня в школу II ступени. В школе я учился в течении 5 учебных лет по май 1925 года. Последние 2 года мы, многие учащиеся, избрали, как тогда называли педагогический уклон, что и послужило в моей дальнейшей деятельности – я стал работать педагогом. Из этого периода моей жизни назову несколько.

СЕМЬЯ. Как уже писал, старшая сестра Лидия вышла замуж за Фёдора Нефёдова, а через три года, вышла замуж вторая сестра - Нюра, за Щукина Семёна Павловича, в 1922 году. Через год у Нюры родился сын – Юрий. Но в 1925 году моя сестра Нюра умерла от (аборта)

Младшая сестра Вера, в это время училась в школе рабочей молодёжи. Когда она подросла, окончила семилетку.

Наш бывший зять не хотел с нами терять родственных отношений, его сын Юрий воспитывался у нас. А в 1931 году Семён Павлович сделал предложение Вере. Она вышла за него замуж.

Мы с мамой занимались хлебопашеством: в хозяйстве была лошадь, жеребчик по кличке «Серый», корова, по кличке «Днёвка», 6 десятин земли, из которой 2 десятины были всегда под паровым клином.

Летом я вместе с мамой и сёстрами убирал хлеб, косил «крюком», свозили снопы на общий ток, где вместе с крестьянами с нашей улицы Кустовки, их коллективно обмолачивали. Подсолнух привозили домой и здесь обмолачивали цепями. Осенью пахал зябь вместе с нашим напарником С.К. Кошкиным, а вернее, - с его сыном Михаилом мы впрягали каждый по своей лошадке в пароконный плуг и борозда за бороздой, десятину за десятиной

«поднимали озимой клин». С начала учебного года, учился в школе.

Летом 1924 года нас, нас лучших учеников в количестве 43-х человек послали на экскурсию в губернский город Саратов. Я впервые в жизни был в большом городе. Для меня всё было ново и интересно. Весьма удивился всему: четырёхэтажным зданиям, многолюдному движению, трамваям, битюгам – тяжеловесам. Кстати сказать, на одной из таких подвод мы уложили все свои 43 чемодана, баулы и сундуки, и весь наш багаж ломовой

извозчик довёз до нашего временного общежития на Чапаевской, где мы и жили.

Мы удивлялись, например, тому, что на главных улицах города и оживлённых перекрёстках стоят милиционеры – регулировщики, следящие за движением, на каждом углу продавалось мороженное или тележка с газированной водой. Особенно восхищались красавицей Волгой, к ней мы часто ходили купаться.

Нас поместили в 3-х этажном здании, где зимой был детский дом, а на лето ребят – воспитанников вывезли на дачи. Нам дали постельные принадлежности, в этом помещении мы и питались.

Много мучений причинили мы своему руководителю – педагогу Николаю Сергеевичу: то без разрешения уходили купаться на Волгу, и он переживал за нас, как бы мы не утонули.

Впервые побывали в театре, ещё мы посетили некоторые заводы города Саратова, типографию, музей, опытное поле СХИ и Госуниверситет.

Нужно отметить, что вскоре я ещё раз, только другим видом транспорта, не на поезде, а пешком посетил Саратов. Летом я ходил босиком, в школу я ходил в солдатских ботинках. Мне захотелось купить сапоги, денег не было. Мать говорила, что когда заработаешь гроши, тогда и купим.

В Баланде никакой промышленности в то время не было, а идти к кулакам батрачить – за 20 рублей, нужно всё лето. А тут подвернулся подходящий случай. Какой-то Саратовский НЭПман (купец), у нас в Баланде на рынке скупал крупный рогатый скот и отправлял его в губернию. Я познакомился с этим купцом и с Андреем Ивановичем Ермаковым на нашем сереньком жеребчике, решили гнать коров в Саратов. Купец вручил нам десяток рогатых животных, документы на них взял с собой, сел на пассажирский поезд и уехал. А мы, привязав коров к оглоблям, и к телеге, и самой повозке, а каких помирнее пустили так, (дело было в начале августа) за 120 вёрст погнали коров в Саратов. Через двое суток купец нас обещал встретить в губернском городе на рынке.

Эх, и далёк мне показался Саратов, когда гонишь скот пешком. А тут ещё у деревни Нижний-Курдюм (это под самим городом) случилось приключение: у одного крестьянина три дня тому назад украли ночью корову; выйдя на большой Саратовский шлях, он как раз на зорьке встретил нас, «втюрился» в одну наших Пестравок и заявил, что эта корова его. На лошади он поскакал в свою деревню за милиционером, тот стал у нас проверять, кому мы гоним скот и где на него документы. Под конвоем милиционера и этого назойливого мужика мы к обеду прибыли на

Саратовский рынок. К счастью, всё обошлось благополучно, у купца были подлинные документы на Пестравку, Саратовский уголовный розыск по телефону сверился с Баландой (корова была куплена у жителя нашего села).

Купец с нами рассчитался, и я тут же в Саратове купил себе сапоги.

Осенью 1924 года начался последний год моей учёбы в школе 2 ступени. Помню мы усиленно занимались и проходили педагогическую практику в одной из начальных школ. Имея небольшой опыт по прошлому году, в текущем – наша учительница – наставница Надежда Гавриловна Чугунова часто нам давала самостоятельно с учащимися – малышами проводить учебные занятия, а сама сидела на задней парте или уходила в магазин.

Приближалась седьмая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Школа усиленно готовилась к празднику: Вася Шапошников готовил доклад, мы художественную самодеятельность, концерт и спектакль. После торжественной части и концерта 6 ноября 1924 года в школе начались танцы, во время которых я познакомился с девушкой, ученицей из другого класса, Марусей Твороговой. Она здесь проживала недавно, её с родителями эвакуировали в голодный 1921 год в Баланду. Модный танец «Тустэп» и «Польку – бабочку» мы с ней протанцевали удачно, а на прощальном вальсе «Дунайские волны», который исполнял школьный струнный оркестр, я попросил проводить её до квартиры. Она дала согласие, я быстро, в раздевалке взял её шубку и свой, неизменный пиджак и кубанку. Мы собрались и пошли по Советской улице. Итак, я впервые в жизни шёл вечером вдвоём «под ручку» с девушкой. Она мне казалась идеалом, да и на самом деле – была смазливой девочкой, была уже знакома с пудрой, духами и другими косметическими мазями. Мы долго-долго болтали у её квартиры, у меня озябли ноги в моих новых яловых сапогах, вероятно и ей было не теплее. С тех пор мы начали дружить. Дружок Костин стал над нами подшучивать, хотя сам дружил с девочкой из Марусинового класса – Ниной Шрамковой.

Нам было 17 счастливых лет! Чем бы закончились наши товарищеские отношения в конце -концов, сказать я затрудняюсь. Окончив школу 2-ой ступени, Маруся вместе с родителями уехала на родину, в город Кострому.

Весной 1925 года решением педсовета от 9 июня, нас признали успевающими по всем предметам и выдали удостоверения об окончании средней школы, как тогда приравнивалась девятилетка с педуклоном. 52 человека получили «путёвки в жизнь». Геннадий Иванович Аполлов на торжественном собрании вручил эти самые удостоверения, крепко пожал

всем руки, пожелал всего хорошего, а самое главное – быть полезным человеком для Родины.

РАБОТА

Получив «путёвки в жизнь», и прослушав напутственную речь заведующего школой, мы стали «зрелыми Юношами и девушками».

Летом 1925 года я помогал маме в хозяйстве: в прополочных работах в поле, в заготовке сена, хвороста и дров на зиму, в уборке хлеба и его обмолота. Нужно было отметить, что и хозяйство-то наше было ниже среднего. Судя по случайно сохранившимся «окладным листам о налогах, по сдаче хлеба государству» - в 1925 году мать за одну лошадь, одну корову и хрюшку, и за 6 десятин наделной земли сдала на элеватор 17 пудов зерна и 24 рубля деньгами.

Но вот кончились полевые работы, я в последний раз 25 августа взмахнул косой на своём сельхоз участке, затем мы комсомольцы, помогали семьям- красноармейкам, и с сельским хозяйством я распрощался.

Нужно было подумать о серьёзной работе и о том, чтобы как можно больше дать пользы Родине. Некоторые товарищи по школе уже стали трудиться на благо Отчизны. Например, друг Николай Костин вместе с отцом из Баланды переехал на другую железнодорожную станцию и работает, как он мне пишет на «железке»; девочки Есипова Шура, Кафтайлова Полина, Кутнова Ольга, Ясеновская Мария, подали заявления в Аткарский УОНО и ожидают назначения в деревню на педагогическую работу; Мария Мягкосердова – пошла работать счетоводом.

Мы с товарищем по классу Андреем Кузнецовым тоже подаём заявления в Аткарский уездный отдел народного образования с просьбой послать нас на педагогическую работу. В ноябре нас вызвали в УОНО для сдачи зачётов на звание учителя. Экзамены мы с Андреем успешно выдержали И вот 28 сентября 1925 года, я девятнадцатилетний юноша, полный энергии работать, член ВЛКСМ, получил на руки первое в жизни предписание Аткарского УОНО. Оно сохранилось у меня до сего дня: «Гр. Кустову Ивану Ивановичу. На поданное Ваше заявление о предоставлении должности, ОНО сообщает, что Вы назначаетесь школьным работником в Монастырский – пункт (по ликвидации неграмотности и малограмотности среди молодёжи и взрослых), Баландинской волости, Аткарского уезда. Никаких расходов по переезду к месту назначения ОНО на себя не принимает. О времени прибытия к месту ссужбы донесите ОНО и ВИКу для зачисления Вас на денежное довольствие. Заведующий УОНО – П.Серов. Делопроизводитель – Михеев.»

Помню тогда, заведующей Аткарским У.Н.Н.О. была женщина товарищ Эйсмонт, но в эти дни она была в Саратовском ГУБОНО, и уже лично я с нею познакомился позже, - когда она меня вновь назначала, но в другую Липовскую начальную школу I ступени в качестве заведующего. Кстати сказать, после неё в Аткарском УОНО, заведующими работали т-т-Купчик Евгения Акимовна, Родионов и другие.

В первых числах декабря 1925 года я приехал в село Монастырское, Баландинской волости, находящее от моего родного дома в 18 км. Надо сказать, что в 20-е годы много молодёжи, особенно девушек было малограмотных, а часто встречались и совсем неграмотные. Это теперь кажется странным и диким, НО в 1925 году, как наследие царизма, было обычным, поэтому по Ленинскому декрету предлагалось в городах и особенно в сёлах открывать школы ликбеза.

В селе Монастырском была только начальная школа, в которой работали два педагога: Иван Павлович и его жена – Мария Ивановна. Зато в этом большом селе было несколько церквей – православная, старообрядческая и молельни.

Ребята и особенно девушки охотно посещали школу ликбеза, где занятия проводились в зимнее, вечернее время, когда молодёжь была вполне свободна от полевых сельскохозяйственных работ. С помощью Ивана Павловича Наумова я вскоре создал такую школу ликбеза на 45 человек. Дело у меня шло хорошо. Я до сих пор благодарен Ивану Наумовичу, - моему первому наставнику по педагогической работе, реально помогшему мне в создании школы. В здании школы я проводил учебные занятия. С тех пор мы с ним долго дружили, я весной в это же село Монастырское был назначен заведующим избой-читальней, где проработал всё лето. Умер Иван Павлович Наумов в 1940 году, уже будучи учителем в одной из Баландинских начальных школ.

В январе 1926 года я получил свой первый заработок за государственную работу педагога, примерно, в это же время вступил в профсоюз, и с тех пор на целые четверть века связал свою работу и жизнь со школой. Работа заведующим избой-читальней мне не очень нравились, поэтому осенью 1926 года я подал заявление в Аткарский УОНО, о назначении меня на педагогическую работу. В октябре 1926 года меня перевели на должность-заведующим Липовской начальной школой I ступени, Лысогорского района, с окладом 3 червонца в месяц (30 рублей).

В селе Липовка я проработал 4 года учителем, и заведующим школой, так как здесь школа – не большая, как сейчас говорят – однокомплектная. Все эти годы я избирался секретарём Комсомольской ячейки. Стал немного

опытнее, так как приобрёл некоторую практику, а от Наумова И.П. получил хорошие и дельные советы, как учить и воспитывать детей.

За 4 года работы в Липовке я сделал несколько выпусков учащихся, они окончили начальную школу и теперь работают в разных концах нашей страны

В 1927 году, в феврале месяце я купил в городе Саратове себе велосипед за 100 рублей, на котором весной под выходные дни из Липовки ездил домой.

Здесь в Липовке, я близко познакомился и дружил с девушкой Леной. Что греха таить, и душой кривить – мы любили друг друга. Возможно бы, и поженились, но я получил из Военкомата повестку: явиться на допризывную подготовку в Баланду, и я уехал. А в это время мать Лены увезла свою дочь в Саратов.

В 30-е годы решением ЦК ВКП(б) и постановлением ЦИКа СССР был введен всеобуч, все дети от 8 до 12 лет обязаны были посещать школьные занятия. Работы педагогам прибавилось: нужно было всех малышей вовлечь в школы, надо было посадить их за парты, создавались дополнительные группы занятий с теми, кто бросил учиться, не окончив 4 класса.

К этому времени уезды были упразднены, а Волостным органом власти были предоставлены более широкие права.

В августе 1930 года подал заявление в Лысогорский РайОНО, и я был переведён в Чадаевскую школу крестьянской молодёжи 15 августа 1930 года, на должность – учитель. Это наполовину ближе к Баланде (25 км.)

Здесь недавно выстроено новое здание школы, работает 7 педагогов, село большое, есть клуб, уже появились кинопередвижки, часто которая бывает и в Чадаевке. Сначала я работал рядовым учителем начальных классов, затем перевели в РайОНО на должность школьного инспектора. В 1932 году, меня в Чадаевке утвердили директором неполной средней школы.

В Чадаевке был большой колхоз, и он по праву носил название «Гигант». По тогдашнему уставу все учителя, состояли членами сельскохозяйственной артели.

Здесь же близко познакомился с девушкой – учительницей Осиной Ниной Алексеевной. Она жила на одной квартире с приятельницей – врачом Анастасией Васильевной Хреновой. Обе они играли на гитаре, были общительны, весёлые девушки. Мы, учителя, ещё была участковый врач

Березина В.А., фельдшер Иноземцев Иван Васильевич, его супруга, часто собирались в компании, у Нины был хороший голос, много пели и танцевали. Создали сельский драматический кружок, с небольшими пьесами часто выступали в местном клубе, а в школе Осина создала настоящий ансамбль песни и пляски учащихся.

В 30-е годы только-что создавались колхозы, поэтому мне приходилось много работать по организационно-хозяйственному укреплению артели «Гигант». Здесь тоже, как и в Липовке несколько лет избирался секретарём Чадаевской комсомольской организации. В колхозе часто устраивались ударники в помощь молодой артели. Педагоги Лобанов, Колотухин, девушки – Попкова Юлия Григорьевна, Аристова Соня, Паршкова Надя, Жакина Варя и Тамара Васильевна Куликова были активными участниками всех воскресников, ударников, а часто и целых «недельников»: работали по прополке и уборке урожая.

В конце 1932 года Осиной Нине я сделал предложение, на которое она ответила согласием. Мы поженились! В течении 10 лет продолжалась наша супружеская- семейная жизнь. Это были, пожалуй, лучшие годы моей жизни: я был доволен работой, поступил без отрыва от производства на заочное обучение в Саратовский Государственный педагогический институт, который успешно закончил через четыре с половиной года учёбы, в 1938 году. Несколько раз с Ниной и один ездили к нашему зятю и сестре Вере в Москву. Если первая поездка в Саратов на меня произвела громадное впечатление, то путешествие в столицу было незабываемо! Из Чадаевки нужно было первоначально на лошадке добраться до станции Лысье Горы (18 км.), затем нужно было ехать до Аткарска, здесь пересадка на Московский поезд. В 1942-1943 годах я учился в Москве, поэтому о столице ещё напишу.

В 1936 году педагогам значительно прибавили заработную плату, что способствовало улучшению нашего материального положения. Имея казённую квартиру с бесплатными коммунальными услугами, мы сначала купили себе коровку, а затем – новый велосипед, радиоприёмник и ещё кое-что из тряпок.

Затем, с женой мы стали подумывать о своём «собственном угле», и в 1937 году я на своё имя в Баланде купил домик (по улице Коллективной, дом №31). За 10 лет работы в Чадаевской неполной средней школе я обучил несколько сот ребят, сделал около десятка выпусков из 7-х классов.

Приступаю к последней перед Великой Отечественной войной полосой моей мирной жизни. Весной 1940 года я был принят членом партии. Летом

этого же, 1940 года, меня взяли работать в аппарат Лысогорского РайОНО на должность школьного инспектора. Вместе со мной переехала в районный центр и жена Нина, которая стала работать в 5-х классах Лысогорской школы.

Мама из Чадаевки переехала в Баланду, где проживала в моём домике. Мы с супругой получили коммунальную квартиру, правда, небольшую, но за то с тем преимуществом, что она была расположена недалеко от школы и близко от Райисполкома. В РайОНО была собственная лошадка, на которой я часто выезжал по школам района, знакомясь с постановкой учебно-воспитательной работы, со школами и педагогами.

Районный центр Лысье Горы- небольшое, но благоустроенное село.

1940 – 1941 учебный год мы с Ниной жили в Лысых Горах; она обучала и воспитывала своих малышей, я – ездил по школам, проверяя постановку учёбы. Мама из Баланды часто приезжала к нам, так как сообщение было весьма удобное – поездом.

Новый 1941 год мы встречали в компании коллег по работе, было весело, много пили, пели, танцевали и веселились до утра.

БОЕВЫЕ ГОДЫ

В Зимнюю декабрьскую морозную ночь сурового 1941 года, лёжа с комбатом лыжного батальона в прифронтной избушке, мы мечтали. Я говорил: «Вот разобьём гитлеровцев, мы останемся живы, с победой возвратимся домой. Я заведу тетрадь в коленкором переплёте и буду записывать пережитое, боевые годы войны»

Теперь эти дни наступили. Всё к счастью для меня закончилось благополучно. 9 мая 1945 года- наступила полная Победа над гитлеровцами. Я должен скоро возвратиться домой, в Баланду, так как в Армии остаться не имею ни малейшего желания. Ведь я не знал, что придётся 4 года воевать, сорок месяцев мыкаться по дорогам войны, за 1418 дней и ночей побывать на нескольких фронтах и ночевать в самых разнообразных условиях, а порой – и не спать. Я был ранен, и только счастливая случайность спасла меня от вражеской пули.

ИТАК, служба в Р.К.К.А. и моё скромное участие в Великой Отечественной войне 1941 – 1945г.г.

27 марта 1941 года Исполком Лысогорского Райсовета депутатов трудящихся своим решением постановляет : «В связи с выездом заведующего РайОНО тов. Николаева на курсы в г. Москву по путёвке Облоно на 2 месяца, Исполком Райсовета депутатов трудящихся р-е-ш-а-е-т:

На время пребывания А.Е.Николаева на курсах, назначить исполняющим обязанности ЗавРОНО – школьного инспектора т. Кустова Ивана Ивановича, которому предлагается принять дела и приступить к исполнению обязанностей с 28 марта 1941 г. Председатель РИКА: Шабанов
Секретарь: И. Рябов.

Через месяц, я был на совещание в Саратове. Возвращаясь домой, на вокзале я встретил коллег по работе, они мне сообщили, что мне пришла повестка из Дурасовского объединенного Райвоенкомата, согласно которого я призываюсь на 2-х месячные учебные сборы. Вот это извещение:

«Командиру запаса Кустову И.И. Лысогорский Сельский совет.

Вы призываетесь для прохождения учебного сбора на 60 дней с 30 апреля по 3 июля 1941 года для направления Вас на сборы приказываю: Явиться 29.04. 1941г. в Дурасовский Райвоенкомат. Райвоенком: Вьюгин»

- Ну, вот, Иван Иванович, и ты будешь военным. «Понюхаешь пороху»- шутил мой товарищ по службе В.В.Шанский.

Ни он, ни я, конечно, не знали о надвигающейся грозовой туче.

В тот же день, 28 апреля 1941 года, я сдал дела, затем позвонил маме в Баланду, что я еду на курсы, чтобы она не волновалась обо мне, так как к 1 июля я возвращаюсь обратно, в Лысые Горы. Пусть она пока поживёт в Баланде.

На такие сборы вызывались многие. Мать и жена хорошо знали об этих военных сборах и предполагали, что я через 2 месяца обратно вернусь в Саратовскую область.

29 апреля вместе с Чемодановым Василием, сотрудником Лысогорского Райкома партии, мы прибываем в Дурасовский Райвоенкомат, к комиссару капитану тов. Вьюгину. Здесь нас «запасников» уже собралось несколько человек. Тут мы прошли мандатную и медицинскую комиссию, а в ночь – пассажирским поездом выехали в Саратовский областной военный Комиссариат.

30 апреля мы уже были в областном городе. Я зашёл в Облано и предупредил, что уезжаю на военные сборы. В облвоенкомате прошли комиссию, и нам сообщили, что сборы будут проходить в городе Елабуга, Татарской А.С.С.Р. Ехать нужно по Волге, но река хотя и очистилась ото льда, а суда ещё не ходят. Нам было приказано ждать первого парохода.

Наконец 3 мая дали команду: «Собирайтесь!». В 5 часов вечера при полном разливе Волги, паротеплоход «Ломоносов» отвалил от дебаркадера,

мы попрощались с Саратовом, в надежде и уверенности, что в первых числах июля снова пришьвартуемся к родным берегам.

Так сложатся исторические события, что будет война?

Не буду входить в детали нашей поездки до Елабуги. В Куйбышеве к нам присоединилась ещё большая группа курсантов.

Я до этого времени в Кадровой армии не служил и только слушал, что рассказывали «бывалые солдаты», политработники, участники только, что закончившихся сражений в Финскую компанию, о боях на ХАЛХИН-Голе на сопке «Заозёрной». 9 мая, мы благополучно прибыли к месту назначения – в город Елабугу. По прибытию, нас разместили в казармах. Начальником курсов был старший батальонный комиссар товарищ Альпин. Я был зачислен, в стрелковую роту, а Чемоданов Василий в артиллерийское подразделение. После обычного недельного карантина, нас подстригли сводили в баню и выдали обмундирование: сапоги, шинель, пилотку, нательное бельё, ремень, портянки и т.д. До этого, я портянки никогда не носил, как ими правильно пользоваться не знал, а спросить «служивых курсантов» - засмеют. На первых порах сильно натирал ноги, но молчал.

Из военного снаряжения нам выдали 3-х линейную винтовку, противогаз, сапёрную лопатку, учебные патроны. Начались дни упорной и настойчивой учёбы по строгому распорядку дня: подъём-6.00, физзарядка, утренний туалет, строевой осмотр, завтрак, полевые занятия (главным образом по полит. подготовке и тактике), обед, далее шёл «мёртвый час», изучение и чистка оружия, самоподготовка, ужин, вечерняя прогулка с песнями и 22.00 часа – отбой.

С учением у меня дело обстояло хорошо. Чего не понимал, то спрашивал или у бывалых служивых, или читал сам по уставам и наставлениям.

Аккуратно в Лысые Горы супруге Нине и в Баланду маме сообщал, что до конца сборов остаётся всё меньше недель и дней. Вот уже закончили учебную программу военной подготовки, начались зачёты по полит-подготовке, тактике, стрелковому делу (были контрольные боевые стрельбы на полигоне), Знания советского и иностранного оружия ; как изучили уставы и наставления: БУП-I («боевой устав пехоты» - часть – I), «Внутренней и гарнизонной службы» и др.

Мы с Василием Чемодановым жили душа в душу, часто вместе ходили в клуб на просмотр кинофильмов, кстати сказать, большинство из которых мы ещё видели дома; ежедневно купались в реке Кама, благо она от военного городка находилась совсем недалеко; посещали местный магазин

«Военторг», в котором продавали вкусные вещи, -(а они не входили « В Наркомовскую норму питания), мы покупали здесь себе на ужин печенье, пончики, сдобные плюшки или конфеты. Чтобы не стирать подворотнички, мы купили по метру бязи и делали из этой ткани чистые новые подворотнички к гимнастёркам. Сидя на берегу Камы, мы мечтали: -Вот успешно сдадим зачёты, Альпин нас поздравит с окончанием учёбы, мы снимем военное обмундирование, уже «б-у», и как опять сядем на пароход, чтобы плыть до Саратова...

Но, в субботу, вечером, 21 июня 1941 года нам зачитали приказ начальника курсов старшего батальонного комиссара тов. Альпина: 22.05 1941 года, с 5-ти утра, выйти налегке на праздничную воскресную прогулку в лес, имея с собой только ложку и кружку.

Отдых предполагался на целый большой летний июньский день. Из расположения военного городка вышли ровно в 5.00. часов утра, в воскресенье, 22-го июня 1941 года. Было чудесное утро. Мы ничего не подозревали о том, что на наших западных границах уже в эти ранние часы пролилась первая кровь советских воинов защитников.

Вместе с нами на воскресную прогулку пошли все командиры, политработники курсов, а к завтраку на нескольких автомашинах прибыли жёны.

После купания в реке Кама, наблюдения за пароходами и грузовыми судами, мы сытно позавтракали и прилегли отдохнуть.

Затем начался концерт художественной самодеятельности курсантов и супруг нач. и ком. Состав.

Вдруг из далека затрещал мотоцикл, боец-связной из кадрового состава К.У.П.С.З. по- военному, чётким шагом подошёл к начальнику курсов, отрапортовал: - Товарищ старший батальонный комиссар, разрешите обратиться?

Получив соглашение начальника, передал ему большой пакет, запечатанный солидной сургучной печатью. Начальник распечатал это важное донесение, ознакомился с текстом, затем попросил всех женщин отойти в сторонку. Они отошли. А нам он скомандовал: - Всем встать! Смирно! Товарищи курсанты и командиры! Получено Важное правительственное сообщение из штаба Г. Куйбышева. Приказываю: через час быть в расположении курсов!

Мы находились в лесу, на берегу красавицы-Камы, в семи километрах от города. Форсированным маршем, броском мы последовали в расположение военного городка; дорогой нас на автомашинах обогнали

«фронтовые подруги»- жёны начальствующего состава, многие из них были с заплаканными лицами, при въезде в город, проехал начальник на своём «газике». Проходя по улицам города Елабуги, услышав радиопередачи, - мы узнали всё: Германия, без объявления войны напала на нашу миролюбивую Державу. И вместо поездки домой мы все остаёмся в кадровом составе Р.К.К.А. (рабоче-крестьянской Красной Армии).

Через пару- тройку дней на курсах все экзамены быстро закончены, нам всем вывели хорошие оценки и на нас – слушателей в Штаб округа, город Куйбышев, послали материал о присвоении нам очередных воинских званий.

В июле месяце пришёл приказ Политуправления Приволжского военного округа о присвоении нам воинских званий, в том числе и мне было присвоено звание «Политрук роты», в местном «Военторге» я купил «3 пары кубарей» и повесил их на петлицы гимнастёрки.

Через несколько дней из города Елабуги, товарищи по курсам стали выезжать на фронт, в Действующую Армию. С нас сняли ограничения казарменного положения, выдали командирское обмундирование и удостоверения начальствующего состава. Запасную казарму освободили от лишнего военного имущества, туда со склада завезли 2-х ярусные железные койки, а потом – заселили какими-то военными, прибывшими из Куйбышева, в том числе несколько командиров.

В августе месяце я попадаю в город Казань, где за городской чертой, в небольшом леске, в летних военных лагерях тогда, в суровом 1941 году, формировались для фронта батальоны, полки и дивизии. В мирное время здесь, вероятно летом лагерем стоял воинский гарнизон Татарской столицы, возможно, в составе одного полка. Теперь же со всей Татарии, да и с других мест Приволжского Военного округа, сюда эшелон за эшелонам прибывали мобилизованные «запасники» и молодые новобранцы, их всех надо было сразу накормить, где-то разместить, положить спать, выдать военное обмундирование.

Пока было тепло, мы все жили в полотняных палатках. Но вот в сентябре начались первые заморозки, и командование военного лагеря (полковник тов. Пиминов), стало подумывать о том, чтобы «строить зимние квартиры». Тем более, что вести с фронта были не совсем благоприятные для нас: под натиском превосходящих сил противника – наша армия с боями отходила и отступала всё на новые исходящие рубежи: к Риге, к Смоленску, к Витебску и Минску.

Всех, прошедших ранее действительную военную службу, побывавшие на территориальных сборах – рядовых, командиров и политработников,

после «сколачивания взводов, рот и батальонов» формировали маршевые подразделения и части, тов. Пименов читал им напутственные речи. И служивые отправлялись в Действующую Армию.

Мы, оставшиеся пока здесь, главным образом – молодёжь, начали строить зимние землянки. Делалось это так: глубиною в два с половиною метра, длиною в 50 и шириною- 10 метров рыли котлован. Затем, в лесу, расположенном от лагеря на расстоянии 6-7 км., пилили и рубили мачтовые сосны, высотой в 10-12 метров, которые несли на руках 14 -16 красноармейцев к котлованам будущих землянок. Из этого леса, распиленного на толстые плахи, строили стенки, перекрытия, нары, покрывали эти землянки сверху дёрном, внутри- по краям землянки ставили большие чугунные печки- «буржуйки», делали 3 выхода- и землянка – казарма была готова, рассчитанная на пехотный батальон, то есть – 600 человек. Командный состав и политработники проживали в фанерных домиках, летнего типа, но в них тоже установили печки- времянки.

В один из октябрьских дней незабываемого 1941 года меня вызвали в штаб и приказали, чтобы я вместе с командиром сдал роту, где был политруком, и вместе с вновь назначенным командиром – старшим лейтенантом тов. Алексагиным Иваном Михайловичем – принимал батальон. В этот же день 2-го октября, приказом по части я назначался комиссаром батальона. Мы с тов. Алексагиным получили по счёту красноармейцев, адъютантом был назначен лейтенант тов. Сурков Дмитрий Петрович, писарь штаба, ротные командиры, политические руководители рот, командиры взводов, старшины рот, повара; получили лошадей. Повозки (сани). Я взял к себе в ординарцы толкового и расторопного молодого солдата – казанца Анатолия Андреевича Денисова. Начали готовить батальон к боевым походам. Полковник тов. Поминов нам с Алексиным сказал, что мы с этими бойцами и командно-политическим составом скоро поедим на фронт, и как мы подготовим батальон, так и воевать будем.

После обильных дождей, которые особенно нас в ту осень беспокоили, вскоре выпал снег, и мы ежедневно совершали лыжные походы, обучали красноармейцев тактике наступления, военному искусству: атакам, окружению противника и его уничтожению.

Вопрос решён: мы скоро отправляемся в действующую армию. Ещё немного раньше я в лагере, сдал свои гражданские вещи: пальто, фуражку, ботинки, бельё на почте в посылку и отправил домой в Лысые Горы. Домой писал регулярно и получал на них ответы-письма треугольники.

Наконец, в средних числах декабря командование сделало нам поверку, а потом под секретом комбату и мне объявили, что на днях наш батальон выезжает на фронт.

И вот ночью из расположения военного городка мы походным порядком, в боевом снаряжении, с лыжами тронулись на Казанский вокзал – на посадку в эшелон (теплушки). -Прощай, столица Татарии! До свидания, знакомые люди и места!

Какое было настроение? Откровенно говоря, сердце как-то особо щемило, думал, что возможно, там на фронте и останусь навсегда. Но гражданский, коммунистический, патриотический долг обязывал быть стойким до конца!

Иван Алексагин, Дмитрий Сурков, мой ординарец Анатолий Денисов и некоторые другие товарищи были казанские жители, их пришли провожать родные. Только меня никто не провожал, да оно и к лучшему: меньше слёз и стонов, меньше истерик и печалей. При прощании мы обменялись домашними адресами, свой Баландинский я дал супругам старшего лейтенанта и Денисовой.

Нашей части присвоили: 78-й отдельный лыжный батальон. Мы получили штамп, гербовую печать, продовольственный аттестат и предписание – куда ехать (явиться). Мы, стали самостоятельная воинская часть.

Ехали на Северо – Западный фронт. Учебных винтовок с собой не взяли, а боевых нам не дали; получили только документы о том, что в пути должны получить новое оружие – автоматы.

Утром паровоз дал долгий и грустный прощальный гудок, последние вздохи и слёзы, оставшихся в Казани родных.

Жена моя Нина в это время жила и работала в Лысых Горах, но болела. Мама находилась в Баланде.

Ехали мы через Москву; на Окружной столичной железной дороге меняли паровоз и всю паровозную бригаду; а когда с Казанского переезжали на северный вокзал то проезжали мимо квартиры Семёна Петровича и Веры Щукиных, так как их дом М.А.И. расположен совсем близко от окружной железной дороги – метров 40-50 не больше. Невольно в это время вспомнил довоенные – мирные дни, когда я не раз приезжал к родным в столицу. Но сейчас Семён Петрович и его сын Юрий – на фронте, а сестра Вера эвакуировалась в Баланду и работает в военном госпитале, который организован в здании Баландинского санатория.

В городе Рыбинске остановились. Отсюда И.М. Алексагин с начальником штаба Дм. Сурковым поехали в областной центр Ярославль, где вместе с автоматами получили миномёты, а для комсостава – личное оружие. Я взял себе новенькие автоматы и револьвер, системы «наган». Из Рыбинска жене послал последнее письмо. Вскоре болезнь у Нины стала прогрессировать, а 27 декабря 1941 года моя жена умерла; мама её похоронила в Лысых Горах, а затем сама перевезла все вещи в Баланду, где с Верой жили в моём доме по Коллективной 31.

Получив оружие, по продовольственному-аттестату продукты питания, фураж для лошадей, мы двинулись дальше: вернее ближе к фронту.

Со станции Бологое Октябрьской железной дороги мы свернули на запад. Немного не доезжая г. Осташково есть станция железной дороги и районный центр Фирово (Калининградской области). Вот здесь нам нужно было остановиться и выгрузиться. Прибыли мы в Фирсово к вечеру, дождались темноты, начали высадку красноармейцев и выводки из вагонов лошадей, сгружали кухни, повозки, миномёты, фураж, продукты. Мы с комбатом приказали командирам рот и политрукам проверить людей и доложить нам. Проверка показала, что «отставших от эшелона и беглых не оказалось».

Чувствовалось во всём близость фронта: разбитые и сожжённые хаты, в развалинах станционные постройки и сам вокзал; невдалеке вспышки оружейных залпов и одиночных выстрелов, немцы всю ночь над посёлком «вешали фонари», в полночь на Фирово был очередной авианалёт.

Первая ночь вблизи фронта. Ночевали на снегу – если можно так сказать «ночевали», - потому что почти всю ночь то выгружались, то проверяли личный состав, то переносили в безопасное место продовольствие и боевое снаряжение. К утру вывели на лыжах батальон к леску, который находился недалеко от посёлка.

Построили часть, и я здесь сказал речь, обращаясь к личному составу, о том, чтобы они свято выполняли воинскую присягу, с честью, мужественно вели себя в боях, чтобы среди бойцов не было плохих вояк, а всегда точно выполняли приказы своих командиров.

Здесь же стоял Штаб и начальство 3-ий Ударной Армии, в распоряжение которой мы попали. От них получили распоряжение: наш 78-ой отдельный лыжный батальон придавался 23 стрелковой дивизии, которая была кадровой, до Великой Отечественной войны она дислоцировалась в городе Харькове, а сейчас сильно потрепанная и малочисленная по личному составу, вела жестокие бои в местечке районного центра Молвотицы (тогда Ленинградской, а теперь – Новгородской области).

Из Фирово мы походным порядком на лыжах двинулись месту боёв. Вот, наконец, и штаб 23-ий стрелковой дивизии. Доложили о благополучном прибытии ком диву – полковнику, (а потом ему присвоили звание генерал – майор) тов. Вохрамеёву и полковому комиссар тов. Шмелёву. Они нашу часть назначили приказом на совместные действия с одним из пехотных полков дивизии с задачей: выбить фрицев из районного села Молвотицы и наступать дальше на населённый пункт – деревню Лёхово.

Командир 116-го стрелкового полка майор Воранов, с частью которого нам пришлось вести боевые действия, был решительный человек, каждое сражение он старался «выиграть большой кровью», в боях терял много живой силы; его полк был сильно потрёпан, а когда узнал из строевой записки о численности нашего лыжного батальона, то часто давал такие боевые задания, которые их стрелковый полк не всегда выполнял.

Таким образом, наша небольшая часть – лыжный батальон – в это время – декабрь 1941– январь – март 1942 год, вместе с 23-ий стрелковой дивизией, 3-ий ударной армией и 34-ой Армией РККА должны были выполнить большую тактическую задачу Северо-Западного фронта: громить зимой фрицев, не давать им покоя ни днём – ни ночью, и постепенно очищать нашу землю, нашу Родину от гитлеровских оккупантов.

1-ого января 1942 года в одной из лесных деревушек Молвотицкого района, жители которой покинули свои домишки, мы остановились на «днёвку». Наши ординарцы нам истопили баню, благо бань и дров там много. Только мы с комбатом собрались помыться и сменить бельё, как в расположение батальона приехал генерал из штаба 3-ий Ударной Армии с представителем нашей 23-ий стрелковой дивизии.

- Я тоже давно не мылся, - сказал генерал; - не возражаю, если, и меня возьмёте с собой!

И вот мы в бане. Генерал «выше средней упитанности». Парился он на славу, слазив на полку раза два-три. Отдохнув немного после мытья, мы приказали начальнику штаба батальона собрать для смотра перед боевыми действиями всех бойцов и командиров.

Солдатами, их выправкой и тактическими учениями, проведёнными нами, генерал остался доволен: - Можно воевать!

В обед выпили с представителями из штаба дивизии и 34-ой армии, поздравив друг друга с наступающим Новым 1942 годом и боевыми успехами в новом году по разгрому фрицев.

Проводив генерала, я вечером, накануне боевых и тревожных для нас дней и ночей. Почему-то размышлял: с начала о предстоящих боевых

действиях на фронте, как-то они для нас сложатся? В батальоне – народ молодой, не обстрелянный, «пороху не нюхали», как эти юнцы будут вести себя в атаках, тем более – генерал 34-ой Ударной Армии и представитель 23-ий дивизии рассказали конкретно об обстановке на нашем участке фронта, где против нашей дивизии немцы держат крупные силы отборных частей. Потом мысли стали витать о домашних – Жена тяжело болеет, мама за ней ухаживает. Правда перед отъездом на фронт я им высылал денежный аттестат, но как бы было хорошо, если бы я был дома. А теперь, увижусь ли с семьёй и когда?

Далее почему-то вспомнил про Казань, комбата – Алексагин Иван Михайлович – человек уже не пожилой, на лыжах ходит неважно.

Отъезд из Татарии. Снами ехать на фронт особенно просилась работать в батальонной санитарной части девушка, военврач III- ранга тов. Митина – Кулакова Нина Николаевна. Почему мы её с Алексиним не взяли? Почему? Сон меня одолел, крепко спал всю ночь.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Вскоре после первого января 1942 года получили приказ на сражения с противником. Начались боевые дни, - вернее ночи, так как в большинстве своём мы, лыжники, действовали по ночам. Первый бой под Молвотицами для нас оказался неудачным: с ходу, сналёту, это хорошо укреплённое село мы не взяли, были большие потери, а тут ещё несчастье: в одном из ночных походов «пропал без вести командир 78-го лыжного батальона старший лейтенант тов. Алексагин И.М.»

Забегая вперёд, скажу: как выяснилось уже значительно позже, через год после окончания Великой Отечественной войны, он мне написал на Баланду, так вот он мне написал, что в этом ночном боевом походе он был, якобы ранен, попал к фашистам в плен и был угнан в Германию на работы в шахты.

Возвратился Иван Михайлович в Казань только в ноябре 1945 года. До сих пор для меня остаётся загадкой, как он мог отстать? С ним неразлучно был ординарец, который по возвращению из ночного боя ничего вразумительного сказать не мог: где и при каких обстоятельствах «он потерял своего начальника»? Но я тот час, как узнал, что комбата на базе нет, сразу же послал на поиски Алексина целый взвод лыжников. Они его нигде не нашли и возвратились ни с чем.

Как мы воевали, об этом талантливые поэты, драматурги и писатели создали десятки стихотворений, очерков, рассказов, пьес, повестей и романов. Так и мы воевали!

Молвотицы всё же мы взяли. Но к весне 1942 года от личного состава лыжного батальона (от 600 человек) едва-едва осталось тридцать процентов бойцов и командиров. В апреле 1942 года 78 отдельный лыжный батальон, выполнив свои боевые задачи, был расформирован. Пополнения нам не давали, на лыжах действовать уже было нельзя. Оставшихся в живых солдат и командиров распределили по полкам 23-ий строевой дивизии, а меня назначили комиссаром ПАХ и соединения (полевой авто-хлеба-завод)

1 мая 1942 года я уже встречал на фронте, в Действующей Армии, в деревушке Лёхово, тоже освобождённой нашим соединением от противника. Часто я с боевыми товарищами ходил на те памятные мне места, где три-четыре месяца тому назад мы, лыжники вели боевые действия в лесах Ленинградской области.

Состояние нашей дивизии было малоспособное к активным боевым действиям: техника сильно потрепалась. Пушки, например, от большой и сильной стрельбы требовали, или замены или капремонта, многие автомашины находились в аварийном состоянии, личного состава было мало.

34-ая Армия Р.К.К.А. другими своими соединениями, выполнив боевую задачу на окружение и уничтожение Демянской группировки фашистов, нуждалась в отдыхе и пополнении.

В мае месяце 1942 года наше соединение вывели на отдых к озеру Селигер, расположенному восточнее от передовой линии километров на 50.

В это же, примерно время, начальник Политотдела старший батальонный комиссар тов. Кузнецов Николай Александрович назначил меня старшим инструктором политотдела дивизии.

После месячного отдыха на берегу красавца- озера Селигер (здесь мы побывали у истоков реки Волга), хорошего пополнения личным составом и материальной частью, 23 стрелковая дивизия получила п-р-и-к-а з: передислоцироваться с Северо-Западного на Сталинградский фронт.

Мы походным порядком и на автомашинах скрытно подошли к станции Осташков, погрузились в 14 эшелонов и тронулись к Сталинграду. Опять теплушки, в пути – разрушенные деревни, сёла и города. Разбитые вагоны, которые валялись под откосами железнодорожного пути, воронки от авиабомб; два раза, за время передвижения, наш эшелон попадал под бомбёжку. Ехали через Москву.

СТАЛИНГРАДСКАЯ область. Города – Михайлов, Фролово. На станции Лог (Луговской) дивизия разгружала эшелоны, получила новейшую военную технику, только-что сделанное заботливыми руками девушек и женщин тыла, обмундирование и продовольствие.

Если мы на Северо-Западном фронте привыкли воевать в лесах, то здесь, в Сталинградской области – голая равнинная степь и пески. Жарко! Единственно унылую внешность скудной природы, скрашивал Тихий Дон – батюшка. В нём мы часто купались. А потом, когда поспели на бахчах знаменитые Царицынские арбузы и дыни, мы их поедали в огромных количествах.

ИЮЛЬ 1942 года. К Сталинградскому фронту в то время было приковано внимание и Главной ставки, и Москвы, и взоры всех трудящихся С.С.С.Р.

В 23 стрелковой дивизии у меня появились новые боевые товарищи: вновь назначенный начальник политотдела – подполковник тов. Егоров Василий Фёдорович, зам. Начальника полит/отдела – майор тов. Гранцев Иван Иванович, секретарь дивизионной парт/комиссии – капитан Саша Трыкин, работники политотдела тов. Краснов Саша – (земляк, он сам из города Аткарска), Петя Глазков, Дьяков, Вася Бартев – работник п/о комсомолу, Додик Филькенберг – редактор дивизионной полевой газеты, сотрудники газеты «В Атаку» В.П. Парков и другие.

Штаб и политотдел 23 стрелковой дивизии расположился в прифронтовом селе – районном центре Лог. Тут же не далеко, по передовой линии фронта, заняли оборону полки нашего соединения, сменив ушедших на пополнение других частей.

Дела на Сталинградском фронте в это время, мягко выражаясь, неважные. Сосредоточив в этом районе, в Большой излучине Дона, большое количество техники, самолётов, танков и живой силы, Гитлеровское командование имело стратегический замысел: окружить Сталинград, взять наш родной областной город и оттуда, начать наступление на Москву.

Командование нашего фронта разгадала коварные планы противника, и поэтому принимало меры, чтобы сорвать наступление фашистов. Вместе с командующими других фронтов (Донского-Юго-Западного) и Главной Ставкой Р.К.К.А. разработали такие меры, что летом в оборонительных боях измотали части противника, затем южнее Сталинграда с 19 ноября 1942 года мы перешли в наступление, и в районе города Калач наши два фронта соединились, и 330 тысяч немецко-фашистских солдат и офицеров в районе Сталинграде оказались в окружении. Наша стрелковая дивизия была усилена танками, соединению был придан полк артиллерии Р.Г.К. (резервы Главного командования), а в распоряжение командующего армией была авиация, совершая пока разведку и делала налёты на глубокие тылы врага. По всему было видно, что фронт готовился к большим, тяжёлым, ответственным боевым операциям.

В моей служебной жизни здесь произошёл такой случай. В политотделе стрелковой дивизии инструктором по информации работал политрук Пётр Тимофеевич Рылатко, которого мы в шутку звали «П.Т.Р.» («противотанковое ружьё»). До сих пор я не знаю, что у них произошло с начальником политотдела тов. Егоровым. Только в одно прекрасное время, и весьма неприятное для П.Т. Рылатко, мы от машинистки политотдела Лидочки Чикуновой узнали, что: она сегодня напечатала приказ о назначении Петра Тимофеевича комиссаром миномётного батальона. На другой день он с нами дружески распрощался и направился к месту новой службы. Я был вызван в землянку к подполковнику тов. Егорову В.Ф. для беседы о назначении меня старшим инструктором по информации политотдела. Работа эта трудная и ответственная. Но в армии, тем более, на фронте, отказываться нельзя.

И вот я в новой должности. В чём состояли мои обязанности? Ежедневно Я должен был ночью принимать по имевшемуся в политотделе трофейному радиоприёмнику Сводки Совинформбюро с сообщениями о событиях на фронтах. Затем будить Лидочку- машинистку, чтобы она эти сводки в десятках экземплярах отпечатывала, а утром к нам приезжали и приходили из полков и отдельных батальонов посыльные, забирали эти сведения и разносили их для информации по своим частям. Всё это мы с Чекуновой должны были сделать до завтрака. Потом, после 8.00, я завтракал и с полевой сумкой на одном боку и с наганом – на другом – отправлялся по частям дивизии, чаще пешком, а иногда начальник политотдела давал лошадь и тогда верхом, объезжал полки нашей дивизии, за сбором информации и всеми новостями, имеющимися в 23 стрелковой дивизии. Эти сведения затем обрабатывались, получались ещё некоторые данные, и к вечеру я составлял полит-донесение или политинформацию для нашей Армии. Всё это проверял тов. Егоров, затем подписывал, и мы её отправляли в вышестоящий Политотдел Армии.

Часто писал о настроении бойцов и командиров, ходе боевых действий, пересылал в политотдел Армии вражеские листовки, которые фашисты с самолётов, из агитснарядов сбрасывали и засылали к нам пачками. Однажды поймали одного перебежчика, который с вражеской листовкой, спрятанной им в футляре ручки-самописки, пытался изменить Родине и уйти в плен к врагу. «СМЕРШ» - (организация НКВД «смерть шпионам») во всём детально разобрался, составил следственный материал, и «служивого» отдал под суд военного трибунала.

Я был членом дивизионного военного трибунала и участвовал в судебном заседании, когда разбиралось это дело; разбирали мы и другие дела о воинских преступлениях. Ещё в дивизии я был избран членом дивизионной

партколлегии, которая ведала приёмом в ряды партии, разбирала вопросы о наложении партвызысканий на провинившихся коммунистов, отменой неверных решений полковых парт-комитетов о членах ВКП(б), и др.

Больше всего, конечно, разбирался нами материал о приёме в ряды партии. В годы Великой Отечественной войны был большой патриотизм, условия для приёма фронтовиков по решению ЦК партии были льготные, и многие бойцы, командиры, проявившие в боях храбрость, героизм, мужество, преданность Родине и показавшие своими ратными подвигами умение воевать и бить фашистов, - были вполне достойными, чтобы их приняли в ВКП(б). Вот таких рядовых героев мы принимали в Коммунистическую партию (большевиков).

В один из моментов, когда, так сказать, была пауза, затишье перед бурей, а в Саратов шла своим ходом дивизионная автомашина, я отпросился у начальника политотдела, был им отпущен домой, и на несколько суток на «полуполторке» приезжал в Баланду.

Ехали мы так: линия фронта – город Фролово – станция Благодатная – Муравлёвская – Атамановская – Петрушинская, станции железной дороги Красный Яр – Рудня – посёлок Свердлово (бывший Ней-Валтер) – и Баланда.

Осенью 1942 года повидал родных: маму и сестру Веру. Но жены Нины уже не было в живых. Радость была кратковременная: автомашина из Саратова возвратилась быстро, и меня сестра Вера с двоюродной сестрой Татьяной Николаевной Кустовой (по мужу-Тарановой) проводили до леса «Мастерный». На вторые сутки, к вечеру, мы были в расположении нашей 23 стрелковой дивизии, точнее, уже на фронте.

Пауза между боями закончилась.

19 ноября 1942 года войска Сталинградского фронта вместе с армиями Юго- Западного и (командующий фронтом-генерал Рокосовский) Донского фронтов перешли в решительное наступление. Гигантские клещи сомкнулись, противник попал в окружение. Как проходили бои и какие результаты Сталинградской битвы – общеизвестны: военные историки на эту тему написали целые книги, а некоторые сочинили докторские диссертации – враг был разбит, ценой тяжёлых и больших жертв Сталинград был освобождён от фашистов. Но город-герой был в развалинах. Наше соединение наступало в направлении Сталинградского тракторного завода и предприятия «Красный Октябрь». Но от этих гигантов индустрии мы воочию убедились и увидели только руины и груды битых кирпичей...

Здесь мы вспомнили два стихотворения под названием «Синий платочек», написанные авторами под влиянием Великой Отечественной войны. Вот первое из них:

СИНИЙ ПЛАТОЧЕК.

Помню, как в памятный вечер

Падал платочек твой с плеч,

Как провожала и обещала

Синий платочек сберечь.

И пусть со мной нет сегодня

Любимой родной,

Знаю с любовью, ты к изголовью

Спрячешь платок дорогой.

Письма твои получая,

Слышу я голос родной

И между строчек синий платочек

Снова встаёт предо мной

Сколько заветных платочков

Мы сохраняем с собой

Нежные речи, девичьи плечи

Помнишь в страде боевой.

Кончится время лихое

С радостной вестью приду.

Снова дорогу, к милой порогу

Я без ошибок найду.

И вторая песня – пародия: переделанная:

Синий платочек

Грязный солдатский платочек.

Фриц посылает домой

И добавляет несколько строчек:

«Дескать, дела ой-ой-ой!

Летим, бежим мы по чужим просторам

Кружится лётчик...

Бьёт пулемётчик...

С мужем простись, ты своим.

Помнишь, в день нашей разлуки

Геббельса речь самого:

«-Дескать, в любую вломитесь лавку

Там наберёте всего...»

Крепче и крепче морозы,

В поле бушует пурга.

Рушатся грёзы, арийские слёзы

Пыл остудили снега....

И так, боевые действия у берегов Волги с победой наших войск были закончены. Командующий немецко-фашистских армий под Сталинградом – фельдмаршал Фон-Паулюс сдался в плен. Нам достались большие трофеи: винтовки, автоматы, много орудий, автомашин, танки и самолёты. В величайшем сражении, безусловно, отдали свои жизни многие красноармейцы, командиры и политработники Р.К.К.А. Мне до сих пор жаль многих своих товарищей, которых я лично знал по лыжному батальону. Не раз с ними ходил в атаку, друзей по 23 стрелковой дивизии. Погиб наш фронтовой товарищ Пётр Тимофеевич Рылатко, мой бывший адъютант Денисов Анатолий Андреевич и другие.

За активные боевые действия нашу 23 стрелковую дивизию преобразовали в Гвардейскую, и впредь она стала именоваться Гвардейская стрелковая Дивизия. В торжественной обстановке нам вручили Гвардейское Ленинское знамя. Многие получили правительственные награды. Меня командование 6-ой гвардейской армией наградило орденом Красной Звезды,

медалью «За оборону Сталинграда» и ещё я получил нагрудный гвардейский значок.

Торжественный час – это вручение правительственных наград на фронте. Выстроены были все награждённые. Под звуки духового оркестра начальник политотдела подполковник тов. Егоров В.Ф. поздравил нас с награждением, вручил ордена и медали, а после был обильный О-б-е-д.

Недолго, так сказать, нам пришлось «почивать на лаврах». На фронтах Великой Отечественной войны назревали дальнейшие важные события у Курска, Белгорода и Орла. Нашу 6-ую Гвардейскую армию (командующий – генерал-полковник тов. Чуйков, в том числе и нашу 71 Гвардейскую дивизию – сокращённое название 71гв.с.д. – перебросили на этот ответственный участок фронта. Нужно было сказать, что настроение личного состава соединения было хорошее и бодрое: блестящие успехи под Сталинградом воодушевили политработников, командиров и бойцов на новые героические боевые подвиги.

После отдыха у стен города-героя на Волге – Сталинграда – нашу 71гв.с.д. перебросили на другой фронт; что это значит «перебросили»? Нужно было 14 эшелонов по 40 вагонов, чтоб в них погрузить личный состав, технику, материальную часть, специальные подразделения и штаб дивизии. Я ехал на вагонной платформе, но в автомашине, бывшая «скорая помощь», которая перекрашенная под камуфляж, была установлена на вагонную платформу; в ней, в автомашине, было всё моё хозяйство: Радиоприёмник, пишущая машинка, сундучок с документами, котелок и ложка, и неизменная плащ палатка, служившая мне и плащом в непогоду и постелью, и походная полевая палатка.

Наладив антенну и включив приёмник, я с Лидочкой Чекуновой, принимал Сводки Совинформбюро, машинистка их перепечатывала. Наши эшелоны следовали один за другим сравнительно на небольшом расстоянии, на полустанках и станциях железной дороги иногда их скапливалось до четырёх- пяти. Здесь мы сводки раздавали ехавшим с нами и другим.

Приехали. Здесь, в селе Чёрная Пятница, Курской области нашего комдива, теперь уже генерала Вахромеева перевели в другую армию, а командиром 71 гвардейской стрелковой дивизии был назначен гвардии полковник тов. Сиваков, в гражданскую войну он был адъютантом М.В Фрунзе.

Постановлением Совнаркома СССР тов. Сивакову присвоено звание генерал- майора, гвардии подполковник тов. Егоров В.Ф. назначен – комиссаром дивизии, а майор Гранцев И.И. – был утверждён начальником политотдела.

Собрав все свои части воедино, пополнив личный состав людьми, материальную часть – новой техникой, а мы новое обмундирование и п-о-г-о-н-ы, дивизия стала готовиться к новым боям и сражениям. Сиваков (комдив) получил приказ на ведение с начало оборонительных, а затем – наступательных сражений на так называемом участке фронта – на Курской Дуге.

Всё лето 1943 года шли ожесточённые бои, в результате которых и здесь- под Орлом и Курском – фашисты потерпели полный разгром. 71-я гвардейская стрелковая дивизия в новых битвах и сражениях, её бойцы, политработники и командиры в новых тактических операциях показали подлинные примеры мужества и героизма.

Кстати сказать, один наш Степной фронт нанёс такие поражения, что немецко-фашистская армия оказалась перед катастрофой. Но вот битвы закончились; на участке фронта стало тихо.

Дальше опять походы. Командующие – 1 Украинского- маршал Конев, 2-м Украинским- маршал Малиновский и 3-им Украинским- маршал Толбухин Ф.И.

Что меня здесь поразило - это замечательная богатая природа: чистые реки, хорошие леса. Тучный чернозём; много фабрик, заводов, были богатые колхозы и совхозы. Правильное выражение «были богатые колхозы и совхозы». Когда мы прибыли на стык Сумской и Харьковской областей, то увидели, что гитлеровские захватчики и грабители ничего не жалели: воду в реках и колодцах отравляли, леса и рощи безжалостно истребляли, богатые замечательные постройки совхозов и колхозов, многочисленные сахарные заводы, промышленные предприятия, мосты, железнодорожные постройки – до основания были уничтожены и разорены. Под сокрушительными ударами Р.К.К.А. фашистские оккупанты поспешно отступали, захватывая с собой наш скот, продовольствие, а постройки и сооружения взрывали и поджигали. Для приведения в полную негодность железнодорожного полотна, фашисты сделали специальную «машину», состоявшую из сцепов двух паровозов, к которым прицеплялась железнодорожная платформа. На последней стоял мотор с приводом. В конце у платформы установлены две циркулярные пилы и крючья-якоря. При медленном движении паровозов мотор с приводом приходили в рабочее состояние: пилы на три части разрезали шпалы, а крючья – якоря до основания из шпал вытаскивали рельсы и гнули их в дугу или ломали на небольшие части...

В общем, при отходе противник здесь оставлял «безжизненное пространство».

Как в Степном фронте, так и здесь, на Украине, 71-ая гвардейская стрелковая дивизия вела упорные наступательные операции, где наши бойцы, политработники и командиры вновь и вновь проявили чудеса героизма и отваги. Наступательные операции для нашего соединения, (как и всего Украинского фронта) закончились тем, что мы далеко продвинулись вперёд, изгоняя фашистских захватчиков с родной земли.

Я всё работал в политотделе дивизии. В октябре 1943 года, после двух месячных ожесточённых боёв и походов, 6-ую гвардейскую армию (и нашу 71-ую гвардейскую стрелковую дивизию) опять, уже в четвёртый раз перебрасывают на новый участок военных действий.

Ставка Главного командования летом и осенью 1943 года, проводя большие наступательные операции по всему фронту. Готовила ещё большой удар в районе Великие Луки-Новосокольники-Невель. Вот сюда – в район города Новосокольники и была направлена 71-ая гвардейская стрелковая дивизия. Опять – эшелоны, снова погрузка и выгрузка. Окапывание в новых местах, и самое главное, наступательные тяжёлые бои в осеннюю грязь, слякоть, холодные и ветреные дни и ночи.

Здесь в моей судьбе произошло такое изменение: в политотдел дивизии пришло распоряжение – командировать в Москву для учёбы в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина на Высшие Всеармейские военно-политические курсы Главного политического управления Р.К.К.А. Выбор из числа кандидатов пал на меня. Я поехал в политотдел 6-ой гвардейской армии. Прошёл мандатную и медицинскую комиссии; по другим причинам и данным никаких препятствий не было. Да и в самом деле: участник боёв, имею правительственные награды, Высшее образование, да и по возрасту тогда ещё не был старик – (мне шёл 37 год). Через неделю наш комиссар дивизии тов. Егоров В.Ф. получил предписание:

Откомандировать гвардии капитана тов. Кустова И.И. в распоряжение политотдела 6-ой гвардейской армии для послышки его на учёбу в Московскую Военно-политическую академию им. В.И. Ленина.

Отпраздновав 26-ую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, 8 ноября 1943 года я тепло распрощался со своими боевыми товарищами по фронту и выехал из 71-ой гвардейской, ордена Ленина и Боевого Красного Знамени стрелковой дивизии. На память своему другу я подарил своему другу-земляку майору Саше Краснову своё одеяло, которое не раз меня спасало от морозов и холода, а зам. Начальнику политотдела, подарил свой фотоаппарат. (В это время И.И. Гранцев после ранения находился на излечении в полевом госпитале).

С друзьями из политотдела 71 гвардейской стрелковой дивизии при прощании я распилил литр сорокоградусной, и в сопровождении ординарца, который должен отвести мою верховую лошадь обратно в штаб дивизии, выехал в политотдел 6-ой гвардейской армии. Здесь произошёл, помню, такой интересный факт. Заходя в избу, где был расположен политотдел армии, увидел, битком набито политработниками, от старшего лейтенанта до майоров включительно, ожидающих назначений в полки и дивизии. Меня особенно удивило одно лицо политрука, сидевшего в углу задней комнаты. Он был очень и очень похож на меня. Это случайно оказался мой двойник. Он тоже подметил, внимательно посмотрел на меня, обратили внимание на нас и политработники, находившиеся в комнате. Мы познакомились, товарищи, сидящие здесь, сочли нас за братьев-близнецов...

В политическом отделе 6-ой гвардейской армии без всяких проволочек, получил командировочное предписание, проездные документы (литер); мой двойник был назначен в один из фронтовых полков комиссаром батальона. Мы с ним дружески распрощались.

В ночь я с новым товарищем-политруком, тоже командированным на учёбу в Москву – майором Хаснулиным, на попутной машине двинулись на станцию железной дороги города Торопец, а оттуда-через Осташково, Торжок, Лихославль, Калинин-поехали на Москву.

Наши документы начальник политотдела нам обещал переслать самолетом в Г.П.У.-главное политическое управление Красной Армии.

- Поезжайте, товарищи-политработники, на учёбу- сказал он нам при прощании – Учитесь хорошенько! Вы ещё поездом будите подъезжать к столице, а Ваши личные дела уже будут на столе у начальника академии...

Уже несколько лет я не ездил в классном пассажирском вагоне, так как в 1941 – 1943г.г. мы переезжали с фронта на фронт в теплушках, а летом на открытых платформах. И мне весьма странным показалось, что я еду в классном вагоне с некоторыми удобствами, да ещё в Москву! Многие пассажиры были военными, кто ехал в госпиталь, кто в командировку, кто по каким-либо служебным военным делам. Ближе к столице стали чаще попадаться гражданское население, преимущественно женщины. Лёжа на второй полке пассажирского вагона, я невольно вспоминал последние минуты расставания с ординарцем. Думал: - Увижу ли я таких славных друзей по 71-ой гвардейской стрелковой дивизии?

Москва в военные годы- была торжественная и суровая. Ночью – светомаскировка, военные патрули; Хлеб и продовольствие выдавались по карточкам. Но уже в эти суровые годы столица залечивала раны, нанесённые ей в октябре 1941 года...

УЧЁБА В МОСКВЕ

Майор тов. Хаснулин знал, где расположена Военно-политическая академия имени В.И. Ленина, поэтому с вокзала до площади Маяковского он сделался моим гидом. С ним мы приехали на метро до станции «Площадь Маяковского», а тут и рукой подать до Большой Садовой, 14, где расположены учебные корпуса нашего учебного заведения. В комендатуре академии получили «разовые пропуска», прошли в канцелярию. Чистенькие, свежесвыбритые «чиновники в кителях», хромовых ярко начищенных сапогах, с погонами на плечах «майор», встретили нас весьма любезно.

Но наши документы с фронта ещё не пришли. Нас пока только зачислили на довольствие и «на правах вольнослушателей» устроили жить в общежитие Академии.

Почему-то начальник политотдела 6-ой гвардейской армии ошибся «...Будите подъезжать к столице, а ваши личные дела уже будут лежать на столе у начальника Академии»

Целую неделю мы ждали присылки из штаба армии (или – штаба фронта) мы точно не знали – наших документов. Наконец нас вызвали в канцелярию и сообщили, что личные дела с фронта пришли, а завтра, 21 ноября 1943 года будет заседание мандатной и медицинской комиссий и вступительные экзамены.

Вступительные экзамены я сдал вполне хорошо, правда кое-что немного забыл из математики, литературы и древней истории, но тактику, парт-политработу в Р.К.К.А. знал не только теоретически, а на практическом опыте своей дивизии и личном умении лыжного батальона и политотдела 71-ой гвардейской стрелковой дивизии.

Мандатную комиссию прошёл, а в медицинской комиссии врачи признали: «вполне здоров».

Приказом начальника я, майор Хаснулин и другие были зачислены на общевоинской факультет Высших Всеармейских курсов.

Первоначально программа факультета, «как и других, например артиллерийского, танкового, авиационного», была рассчитана на ускоренные занятия – 4 месяца, но потом Глав ПУР издал директиву – продлить учёбу всего на 10 месяцев, так как за этот срок лучше усвоим основы политработы, стратегии и тактики за полк

Начались упорные дни учёбы. Порядок был такой: жили мы в одном из шестиэтажных корпусов общежития на Большой Пироговской улице (недалеко от бывшего Ново- Девичьего монастыря и реки Москва). Комнаты

в общежитии для слушателей – небольшие, на 2-3 человека, каждому выдали койку со всеми постельными принадлежностями (бельё, одеяло, подушка, полотенце), на каждого – тумбочка, в комнате репродуктор, 2-3 газеты на комнату.

В 7.00 -был подъём совершали утренний туалет, затем спускались вниз. Где находилась столовая, наскоро и «легко» завтракали, затем быстренько поднимались к себе в комнату, одевали шинели, шапки, брали с собой планшетки с конспектами, и от метро станции «Крымский мост» доезжали до станции метро «Площадь Маяковского». Время на это – подъём, завтрак и дорогу – отводилось полтора часа. Затем – Военно-политическая академия. В 8.30 построение, проверка явки слушателей на лекции, сообщение командира взвода расписания уроков, практических работ, кто-где дежурит, новости по академии...

Ровно в 9.00 утра (по московскому времени) давался общий звонок по всему учебному корпусу, и начинаются занятия. Обычно на нашем факультете (за неделю) были такие уроки: история партии, занятия по тактике (их было больше всех- 60% из всей программы учёбы), история войн и революций, география, материальная часть оружия (советского и иностранного) и парт-политработа в РККА; несколько учебных часов отводилось на изучение книги тов. Сталина И.В. «О Великой Отечественной войне», раз в неделю проводился урок физической подготовки. Ежедневно проводилось по 6 академических часов (уроков) учебных занятий. Аудитории были большие и высокие, в ту зиму помещения топили только «для духа», по-военному, было прохладно. Но мы привыкли на фронте к морозам, здесь считали – хорошо, на занятиях все сидели без шинелей и шапок-ушанок.

Часто выезжали за город на тактические занятия, на лыжную подготовку. Два раза выезжали в лагерь – на станцию «Кубинка», в направлении Минск (на запад от столицы), это 44км. - от академии. Зимой проводили тактические учения на лыжах, летом – в лагере, жили в брезентовых палатках.

После классных занятий – обед. Потом, самостоятельные занятия, в 21.00 – ужин. Казарменного положения у нас не было, но в рабочие дни по городу некогда было разгуливать и разъезжать: много давалось разных работ на дом.

В выходные дни с товарищами по факультету, например, И.И. Голоусиковым, Егоренковым, Марьиным, Мусиковым, Чикирякиным. Шмелёвым или с тем же майором Хаснулиным мы посещали кино, ходили в театр, много раз совершали экскурсии в те музеи, которые в те годы не эвакуировали из Москвы, делали поездки по городу, особенно в столичных

трамваях по кольцу его маршрута от начала до конца. Несколько раз любовались салютами, которые устраивали в связи с победами наших войск на фронтах, особенно в тот год -осенью, зимой и весной 1943 -1944г.г. было много.

Об учёбе на курсах в академии можно писать значительно больше, но на сегодня – хватит об этом.

Сестра Вера из Москвы эвакуировалась в Баланду, а её муж (наш зять) Семён Павлович Щукин с сыном Юрием находились на фронте. Из старых знакомых – москвичей у меня были: семейство-старичков Сливиных и Рябухиных. Вот их, эти два семейства, я иногда и посещал. Время шло своим чередом. В сентябре месяце 1944 года начались выпускные экзамены по полит-подготовке, истории В.К.П.(б), истории СССР, тактике и другим предметам. Экзамены все слушатели сдали, нам в торжественной обстановке вручили удостоверения об окончании курса, Генерал- лейтенант тов. Игнатьев (автор книги «50 лет в строю») прочёл нам лекцию об этике советского офицера, и мы уехали в запас (резерв) Глав ПУР (а) Красной Армии. Помещение резерва Глав ПУР(а) находилось недалеко от Крымского Моста, а само здание представляло какой-то старинный бывший купеческий большой особняк. Комнат в 30 с большим танцевальным залом и прекрасной столовой, но весьма скромным питанием. Здесь было более сотни полковников, подполковников, майоров и рангом ниже. Я узнал, что мне присвоено звание «капитан», что отдел кадров пока имеет достаточное количество резервов, и раньше, чем через месяц нас на фронт отправлять не будут. Днём мы почти ничего не делали, кроме чтения свежих газет и старых романов, а по вечерам к нам на танцы ходили молодые и обаятельные москвички, с которыми мы или танцевали в нашем зале под радиолу, или ходили в кино, а некоторые вечернее время проводили в парке имени А.М. Горького; он расположен здесь рядом с Крымским Мостом...

Случайно в отделе кадров, я познакомился с подполковником П.А. Зелепукиным (он сам из Аткарска), отпросился у него на недельку домой, то есть в Баланду; он дал мне официальное разрешение-командировку, билет по орденской книжке у меня был бесплатный, и вот пассажирским поездом я качу домой.

Родные – мама и сестра Вера были очень рады такой встрече... Но отпускная неделя пролетела быстро, нужно было опять собираться в Москву.

На вокзале ст. Баланда меня тепло провожали родные. А потом опять: замелькали станции Лысые Горы, Аткарск, Екатериновка, Ртищево, Тамбов, Мичуринск, Кашира, Ступино и Москва.

Некоторые товарищи по факультету: Александров, Буканов, Воронов, Зотов, Рулёв, Чучуваидин, Юсупов и другие уже выехали на фронт.

Перед отъездом на войну, то есть в Действующую Армию, я навестил семейство Гранцевых – жену И.И. – Евросинию Васильевну, с их сыном Анатолием, которого они почему-то звали Гердт, побывал у Сливиных и Борисовских.

В средних числах октября месяца 1944 года меня вызвали в отдел кадров Главного Политического Управления Советской Армии и приказали получить предписание выехать в Действующую Армию Прибалтийского фронта, где командующим был генерал-армии тов. Баграмян И.Х., (ныне Маршал Советского Союза), начальником политуправления (и членом военного Совета фронта) – генерал И.И. Масленников. В Прибалтийский фронт со мной вместе получил назначение капитан тов. Володин; он после ранения находился на излечении в одном из подмосковных госпиталей, по выздоровлении попал в резерв Глав ПУР а. Вот вместе с ним мы каждый в отдельности получили предписание явиться в Политуправление Прибалтийского фронта, для прохождения дальнейшей службы, взяли с собой выданные нам на руки запечатанные личные дела офицеров, проездные документы, и тронулись в путь

ОПЯТЬ НА ФРОНТЕ

Штаб и Политическое управление Прибалтийского фронта находились где-то недалеко от столицы Латвийской ССР – города Рига.

С начала мы с капитаном Володиным из Москвы выехали пассажирским поездом – в классном вагоне, от Валдая к фронту ходили только теплушки, грузовые составы с боеприпасами и продовольствием.

12 октября 1944 года мы прибыли в хуторок Страдзмуйжа, Латвийской республики, куда шёл состав с боеприпасами (мы попросились у коменданта эшелона, предъявив ему свои «столичные мандаты и удостоверения личности»). Комендант оказался хорошим парнем, и в его теплушке мы подъехали к фронтовым тылам. Здесь же временно, в походном порядке расположилось Политуправление фронта. Но и штаб и Политуправление фронта ежедневно передислоцировалось вслед, за наступающими своими дивизиями к городу Рига.

13 октября 1944 года с большими и ожесточёнными боями столица Латвийской республики была взята и освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Вечером 13 октября и мы на попутной автомашине приехали в Ригу и воочию увидели какие разрушения нанесли гитлеровцы городу. С большим трудом мы у офицера контрольно-пропускного пункта («К.П.П.»),

предъявив ему свои московские предписания, узнали, где находится комендатура, а через неё узнали, где находится Политуправление фронта. Нашли отдел кадров Политуправления, и с его начальником полковником Муравьёвым, имели беседу о своей дальнейшей службе. В Риге полковник через своего связного офицера устроил нас на ночёвку – в каком-то казённом помещении, где мы с другими офицерами штаба и политуправления фронта приютились, получили горячий чай и даже «сухой паёк» - консервы, сухари и микроскопический кусочек сливочного масла.

По городу много не ходили, так как сплошь и рядом часто здания, дороги и мосты гитлеровцами были заминированы, были опасны.

Начальник отдела кадров политуправления представил нас начальнику политуправления генералу Масленникову, и тот с нами любезно побеседовал, спросил, чему мы учились в Москве, и имеем ли мы опыт во фронтовой обстановке. Они дали нам с капитаном задание: написать по одной работе каждому на полит-тему; срок исполнения – трое суток. Я в срок выполнил своё задание, сдал свой трактат Муравьёву, он остался им доволен. А через несколько дней я получил новое назначение в часть Прибалтийского фронта: комиссаром одного учебного батальона, который готовил для полков и дивизий фронта сержантов и старшин,

Наша часть располагалась в лесу, около города Цесиса Латвийской ССР, куда я прибыл на попутной фронтовой автомашине. Представился своему комбату – майору тов. Воробьёву С.В. (он тоже до войны работал педагогом)

Солдаты мне построили срубленную избушку с печкой-плитой, а в ординарцы я взял себе бывалого солдата тов. Дьякова.

Так начался второй этап моей фронтовой жизни 1944-1945г.г. Начал обучать молодёжь.

Ещё я работал по репатриации русских граждан в РСФСР, угнанных фашистами в 1942-1943г.г. и теперь освобождённых нашими войсками из немецкой неволи. Работал в городе Двинске (Даугавпилс) Латвийской республике.

Капитан Володин получил назначение в одну из фронтовых частей комиссаром стрелкового батальона. Мы продолжительное время с ним переписывались...

МАЙ МЕСЯЦ 1945 ГОДА

Победоносно закончились военные фронтовые действия. По счастливой случайности возле Риги дислоцировалась наша 71 гвардейская

ордена Ленина и Боевого Красного Знамени стрелковая Дивизия, и я здесь ещё раз встретился со своими друзьями: Трыкиным А.Д., Сашей Красновым, капитаном Шилиным, Васей Бартевым, гвардии полковником В.Ф. Егоровым и другими. Их артиллерийский полк находился на берегу Балтийского моря. Последний раз артиллеристы зарядили свои пушки и орудия и, направив дула в сторону моря (всё равно тогда ещё по нему не курсировали наши пароходы, а плавали немецкие мины), - 9 мая 1945 года дали 21 залп в честь окончательной Победы над фашистской Германией.

Мы тоже в последний раз собрали своих бойцов, провели с ними митинг и парад в городе Цесисе, Латвийской С.С.Р., а потом в течение трёх дней гуляли.

Радость у всех, оставшихся в живых, была неопишима. Только видевшие своими глазами все ужасы войны, кровь и смерть товарищей, - могут понять, каково было ликование – полная победа, конец войне!

С большим и глубоким волнением, с чутким вниманием мы прослушали по радио, выступление и поздравление Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина 8 мая 1945 года.

Затем, вскоре пришёл приказ о расформировании нашей части 123 запасного фронтового отдельного полка, солдат и старшин старших возрастов стали демобилизовать и отправлять по домам.

Проводил я и своего бывалого солдата – шахтёра Дьякова домой, на Украину.

Нас, офицеров-политработников, направили в политуправление Прибалтийского военного округа – в город Ригу. Здесь мне предложили работу начальника библиотеки Рижского окружного Дома Офицеров (улица Меркеля, д.№13). Я дал согласие. Мой предшественник тов. Москалёв Вадим был уволен в запас. Я принял Книжный фонд (234.000 томов), имущество окружной библиотеки на 124 тысячи рублей, и начал работать в новой должности. Семь девушек-сотрудниц библиотеки служили по вольному найму; из них: 3 девицы «сидели на абонементе» - Тарасова Вера Николаевна, Орёл Глафира Григорьевна и Казанская. Одна работала библиографом – Ридзинь Татьяна Сергеевна (она была замужняя женщина), две заведовали залами – кабинетами-парткабинет – заведующая – Хонер Фрида Соломоновна, вторая- читальным залом – Виноградова и седьмая девица работала с газетами и журналами.

Библиотека дома офицеров, например, выписывали газет «Правда» - 60 экземпляров, «Известия» - 50, «Красная Звезда» - 70, армейскую «за Родину» - 75 и много других «Советская Латвия», «Циня». Более сотни различных

партийных и общественно-политических журналов «Большевик», «Военная Мысль», «Красноармеец» - по 10-15 экземпляров; «Огонёк», «Крокодил», «Знамя», «Октябрь» и много других военных.

Рижский Дом офицеров (улица Меркеля, 13) занимал громадное 6-ти этажное здание с несколькими подъездами; в нём было несколько залов: для театральных представлений со сценой и гримировочными комнатами для актрис и артистов, зал для демонстраций кинофильмов, «Белый» и «Золотой» залы для танцев и балов, несколько больших комнат для кружковых работ; внизу располагались – ресторан, парикмахерская и фотография. Начальником при мне служил подполковник Загребский, ещё в штате было 7 офицеров, например, культ-массовик – капитан Терпиловский, Нагорин, по хозяйству – тов. Яковлев А. и замначальника ОДО майор тов. Грудский.

Большинство сотрудников, а их было более сотни, - вольнонаёмные. У нас была художественная группа, духовой оркестр и эстрадный ансамбль+ к этому обслуживающий персонал. Работало много латышек. Занятия начинались с 11 часов дня и продолжались – до 23.00; выходной день – понедельник. Работа мне нравилась; я имел возможность читать новинки художественной литературы; например: Б. Полевой – «Повесть о настоящем человеке», «Золото», А. Фадеев – «Молодая гвардия», Бек «Волоколамское шоссе», А. Толстой «Хмурое утро», «Сёстры», новые произведения К. Симонова, М. Шолохова и др.

Часто из столицы СССР к нам приезжали лучшие художественные, артистические и литературные силы. Например: Ансамбль песни и пляски Красной Армии, руководителем которого был генерал Александров, Ансамбль Краснознамённого Балтийского флота (из Ленинграда); артисты: Бейбутов, Л.О. Утёсов, Кругликова, Нежданова. Поэты и писатели -А. Сурков, В. Вишневский, Бубеинов и другие, возможность слушать которых я мог слушать чуть не каждую неделю. Дом офицеров в праздничные дни посещали секретари ЦК Латвии Карберзин, Деглав, из Президиума Верховного Совета республик и многие другие высокие чины.

Жил я в Риге на частной квартире, по улице Кр. Барона, д.№93.

Новый 1946 год мы, впервые после войны, встречали в мирных условиях, он прошёл хорошо и организованно. Но меня тянуло на родину, домой в Баланду, к маме и близким с детства местам.

СНОВА ДОМА!

В начале 1946 года я подал рапорт в Наркомпрос РСФСР с просьбой, чтобы меня, как специалиста-педагога, демобилизовали. Нарком, мою

просьбу удовлетворил, и со своей стороны ходатайствовал перед Главным Политическим Управлением Красной Армии.

5 апреля 1946 года приказом № 01245 Глав ПУР а я был демобилизован по статье 43, пункт «А» (уволен в запас).

Сдав дела и книжный фонд библиографу т. Ридзинь Т.С. и получив окончательный расчёт, я тепло простился с сотрудниками О.Д.О., сел 1.06.1946 года в скорый поезд Рига – Москва. В мягком вагоне с большим букетом цветов от провожающих девиц, я отбыл из столицы Латвии.

Поезд Рига – Москва находится в пути 28 часов. Я мечтал заехать к своим родным в столицу СССР: к Щукиным, они в это время переехали в Москву – Семён Павлович уже демобилизовался из РККА, сестра Вера Ивановна – тоже из Баланды прибыла и устроилась работать на прежнее место, в институт М.А.И.

Здесь тоже при встрече, радости было очень много. К счастью, Семён Павлович с фронта возвратился жив, а его сын Юрий должен был в октябре-ноябре 1946 года демобилизоваться из рядов Вооружённых сил. Теперь он проходил службу в г. Минске.

Москва уже стала не та, что была в годы войны: сняли светомаскировку, отмыли окна от наклеенных крест-накрест бумажек, вечером и ночью появилось яркое уличное освещение, засверкали витрины магазинов, подъезды, кино и театров, здания стали приводить в порядок, на местах разрушенных стали строить новые. В магазинах появилось больше товаров; шли; шли уличные слухи об отмене карточной системы.

Я ещё раз посетил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина, где на учёбе провёл около года. В эти дни как раз отмечался траур в связи со смертью Михаила Ивановича Калинина, и в актовом зале академии состоялся траурный митинг в честь покойного.

Кутнова. Погостив с неделю у Верочки и Семёна Павловича, я, наконец, закомпасировал воинский проездной билет и выехал на родимую сторонуюшку, то есть – в Баланду. Опять мимо окон замелькали так хорошо знакомые станции.

Приехал я на родину - в Баланду без шумихи: жены у меня не было, мать -старушка, так что на вокзале из родных меня никто не встречал; нужно сказать, что 15 лет не жил и не работал в Баланде - старых знакомых было очень мало.

Из бывших моих педагогов в это время работали: Александр Васильевич т. Шешнев, (его супруга – Нина Николаевна – уже на пенсии),

Пётр Иванович Ясеновский, Николай Сергеевич Аристов. Больше всех, моему возвращению была рада моя мама. Она напекла из последних запасов пайковой муки и масла – напекла лепёшек. Матушка меня встретила дома весьма душевно, с радости выпили. Затем пришли родные и хорошие знакомые: М.П. Таранов с женой (моей двоюродной сестрой) Татьяной Николаевной Кустовой, Елена Андреевна Шагова, А.Д. Цибиногина, Александра Филиповна Белоглазова, Борис Кустов и некоторые другие.

В Баланде я отдыхал с месяц. Потом пошёл наниматься (определяться) на работу. Решил работать в школе, но в Районе мне сказали, что в самом рабочем посёлке, вакантных мест нет, а в деревню, вроде С. Кривая Берёза, я не захотел ехать сам, другой работы я не искал.

В августе 1946 года я уехал в Москву, где, к не прописывали, а у Щукиных квартирка (комнатка) была маленькая по площади, но из Риги мне начальник ОДО Загребский писал, что работу даст. Поэтому, прожив с неделю в Москве, я двинулся в столицу Латвии. Здесь меня сразу же приняли на работу Начальника Лектория Рижского окружного Дома офицеров.

Эта работа сводилась к тому, что я должен был организовывать лекции, доклады и беседы для офицерского состава, а для тех, кто не имел среднего образования, создать вечернюю школу 5-10-х классов. Таких офицеров вскоре после войны в Рижском гарнизоне было не мало, и у нас учебные занятия 4 раза в неделю посещало весьма солидное количество человек, особенно молодых младших лейтенантов и старших лейтенантов. По субботам и выходным дням устраивали концерты, а в парке лектории – танцы.

Мне нравилась работа в Лектории Окружного Дома Офицеров тем, что я, так сказать, немного был связан со школьными учебными занятиями.

Но очевидно, не суждено мне было жить «в маленьком Париже» - как латыши называли город Ригу. Заболела мама. С начала она прислала письмо, а потом телеграмму- «Приезжай, сынок, в Баланду, я – тяжело больна.» Подал рапорт т. Грудскому (начальник ОДО находился в отпуске) с просьбой освободить меня от работы. Просьбу мою удовлетворили, и вот я опять в октябре 1946 года через Москву возвращаюсь в Баланду, теперь уже надолго!

Дома случилось вот что: в одной из очередей в продовольственном магазине старушку- маму, сильно помяли, она едва держалась на ногах, больше лежала в постели, истопить даже галанку не могла, пайковый хлеб, крупу, сахар и жиры ей покупала и приносила наша родственница Елена Андреевна Шагова. – Вот умру я, и никого рядом нет близких- говорила мама. Дочери далеко и замужем, а тебе сынок, жениться надо.

Недели две-три я жил и занимался тем, что запасал корове корм на зиму – ходил в лес и собирал там листья, купил немного сена, заготовил дров, отремонтировал сарайчик, купили мы с мамой пшеницы, которую размлоли на ручной «мельнице вертушке», встал на пайковый учёт. Потом пошёл в Баландинский Район, к заведующему Анатолию Александровичу Сучкову. Одна сотрудница Района – Ключникова (Федоренко) Зина Ивановна, работавшая заведующей педагогическим (методическим) кабинетом, решила с мужем выехать из Баланды на Украину. Её Сучков освободил от работы, а мне предложил заведование методическим кабинетом районного отдела Народного образования. Я – предложение принял, получил на руки приказ, а от Ключниковой З.И., принял книжный фонд, методическую литературу и другое имущество. Итак, я опять возвратился на педагогическую работу.

Зиму 1946-1947 – учебного года руководил методической работой в районе; приходилось выезжать, а чаще всего – пешком выходить в район по проверке периферийных школ; был, например, на Плаксино. В Славновке, в с. Савино, в Шалинке, а в селе Безобразовке зимой вёл кружок политических занятий.

Проводил методические занятия – совещания с педагогами рабочего посёлка, писал директивы директорам школ, выдавал методическую и педагогическую литературу учителям; в порядке общественного поручения выступал с докладами в Районном Доме Культуры, парткабинете и в колхозах района. Так работал до февраля 1947 года. В конце этого месяца произошло такое событие, имевшее для меня некоторое отношение: директор Баландинской мужской средней школы №1 тов. Павлов А.Е. явно не справлялся со своими обязанностями, и заведующий районо был вынужден перед Саратовским Облоно поставить вопрос об освобождении Андрея Ефимовича Павлова от работы.

22 февраля 1947 года приказом № 19 он был снят с должности директора, а Кустов И.И. «для укрепления учебной и хозяйственной деятельности» был назначен директором Баландинской мужской средней школы. Я от предшественника, в наследство получил двухэтажное здание школы постройки 1897 года с проржавевшей крышей, обвалившимися потолками, разбитыми окнами наполовину забитыми фанерками и листами картона из наглядных пособий. Дров – ни палки, а топить нужно ещё два месяца. В школе 25 педагогов обучали 414 мальчиков и юношей, сведённых в 14 классов средней школы.

Завучем работал Иван Михайлович Евстратов; из старых знакомых педагогов служили А.В. Шешнёв, Николай Сергеевич Аристов, а жена Валентина Николаевна – работала библиотекарем нашей школы, Полина

Косицина, Шура Моклякова, А.Ф. Шешнёва (девичья фамилия – Литвинова), Кубракова Анна Васильевна, М.С. Шарова (Горелова по фамилии мужа), Иван Васильевич Грякалов, Мария Прокофьевна Плеханова, Настя Литвинова, Евгений Артёмов (вёл черчение- рисование), Миша Скотников, Павел Николаевич Тюрин, и другие.

Первым при мне завхозом школы служил Николай Фёдорович Кряукин, затем его сменил Алексей Прокофьевич Горбачёв. Техничек школ было 9 человек.

Закончили 1946-1947 учебный год 27 юношей, сдали экзамены и получили аттестаты зрелости. 25 июня- провели выпускной банкет.

Из первых моих выпускников запомнились: Мокляков Борис, Зайцев станислав, Горин, Орлов, Шапкин Николай и другие.

Началось лето. Весь июнь-июль и август пришлось заниматься ремонтом, добывать строй материалы – лес, гвозди, краску, железо, оконное стекло. К 20 августа с горем пополам перекрыли крышу, укрепили потолки, остеклили все окна и покрасили полы.

В это памятное для меня время - 1947 год – произошли изменения в личной, вернее - Вемейной жизни. Директор семилетней школы №2 Чесакова и учительница В.П. Крестина познакомили меня с одной женщиной Розой Григорьевной Головцовой. Я ей сделал предложение, на которое Роза ответила согласием. 30 августа 1947 года мы поженились. Роза переехала с улицы Верхняя Набережная, 46, жить в нашу семью, в наш дом.

Так я женился второй раз.

В Баландинской мужской средней школе №1 я проработал директором и учителем старших классов около десятка лет. За это время 1947 - 1956г.г. были большие и исторические события, и значительные факты в жизни школ.

Например: в 1948 году произошла реорганизация (слияние) мужских и женских школ для совместного обучения мальчиков и девочек, через год был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении за выслугу лет и безупречную работу педагогов, значительно повышена зарплата учителям. Лучше стало снабжение школ учебниками, наглядными пособиями; отменена карточная система на продовольственные и промышленные товары. За эти годы в школе сменилось около трёх десятков учителей - выбыло и вновь назначено в средней школе №1, главным образом - молодёжи. Сменилось 3 завуча - Иван Михайлович Евстратов уехал в Ленинград, после него завучем работала Л.А. тов. Чепенко, затем её сменила

А.И. Арбузова. Секретарями школьной парторганизации избирались Н.И. тов. Андреева, Чепенко Л.А. и несколько лет бессменно, работал Александр Васильевич Шешнёв.

За безупречную работу и непрерывный стаж педагогической деятельности я был награждён: в 1949 году - медалью «За трудовую доблесть», в 1954 году - орденом «Знак Почёта».

В связи с повышением педагогам заработной платы с 1949 года у меня, как и у других учителей, на 15 % повысился заработок + на льготных условиях я получил 40% за выслугу лет (как орденоносец). Всего в месяц я получал 2400- 2440 рублей (в старой валюте). Вскоре после этого я купил себе мотоцикл - с начало «К - 135», а в 1952 году - марки «ИЖ-49». Но об этом, то есть мотоцикле «ИЖ-49» и какое я получил от него увечье, напишу немного позже. С каждым годом становилось работать всё лучше. Во-первых, стало в достаточном количестве учебников, тетрадей, во-вторых, больше появились строительных материалов, и я за 3-4 года мог сравнительно хорошо отремонтировать школу и даже «перетряс» здание так-называемого физического кабинета, затем нам на улице «30 лет ВЛКСМ» дали целое здание из шести комнат, где мы открыли филиал нашей средней школы №1.

В-третьих, в первые годы после окончания войны у ребят и девочек появилось страстное желание хорошо и отлично учиться, успешно окончить 10 классов и получить аттестат зрелости. Такие ребята, как, например. Махов и Кустов окончили десятилетку с серебряными медалями, а Дворников Геннадий, Филипеев Юра, Борисовский Миша, Швырёв М., Чеботарёв Саша и многие другие, блестяще сдав вступительные экзамены в различные ВУЗЫ страны, теперь работают инженерами, врачами, агрономами, химиками, офицерами Советской Армии. Радуюсь за них!

Росло число учащихся во всех классах. Это видно из таких сравнительных официальных данных, взятых мною из отчётов об учебно-воспитательной работе 1947 и 1957 года.

В 1947 году в средней школе №1 было 14 учебных классов с общим числом учащихся 414 человек (и 25 педагогов);

В 1957 году, то есть через 10 лет уже в 22-х учебных классах обучалось - 664 учащихся, которых обучало и воспитывало- 35 учителей. Окончило десятилетку 118 человек - юношей и девушек, а успеваемость с 84% поднялась до 94,8%.

Мне кажется, что коллектив школы не плохо работал, даже комсомольская организация в своих рядах имела около 400 членов ВЛКСМ.

Школа завоевала 9 грамот и 3 кубка. За активное участие в художественной самодеятельности школьников и педагогов РК ВЛКСМ и Исполком Райсовета депутатов трудящихся школу наградили Почвальной грамотой.

Но всё и не всегда в течение 10 лет шло, как говорится, гладко.

Безусловно, были и ляпусы. 5 мая 1951 года (мне памятна эта дата!), ученик 5 класса Куприн Борис, первым выбежав во двор на перемену после 4-го урока по наклонной физкультурной лестнице взобрался вверх до предела, оттуда сорвался вниз и убилися насмерть. Я получил строгое взыскание (выговор), так как не хотел подводить дежурную учительницу и взял вину на себя. Этим дело не ограничилось. Мать Бориса Куприна-Колганова с мужем не жила, а он у неё военный, на содержание ребёнка платил ей большие алименты. Так вот, Колгановой не так было жалко сына (она дамочка «лёгкого поведения, любительница случайных встреч»), - а особенно жалковала о 700 рублях получаемых алиментов. Потеряв эту ежемесячную сумму, мадам Колганова решила подать на меня иск, чтобы я ей платил деньги, так как её сын, Борис, погиб в школе по вине директора-Кустова И.И. Около года я писал «объяснения при каких обстоятельствах произошёл факт гибели Б.Куприна», - начиная от районного прокурора до Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Родственница зав. Районо, (теперь уже зав Районо работала известная мне З.И. Ключникова (Федоренко), - тов. Устинова приехала в Баланду в середине учебного года. Чтобы устроить её на работу, зав. Районо мне пишет: «Товарищ Кустов! Немедленно изыщите 6 часов математики или физики учительнице Устиновой; в противном случае она будет получать зарплату за Ваш счёт.» 12 января 1956 года зав Районо З. Федоренко.»

Уроков, конечно, тов. Устиновой я не нашёл, а заведующая Районо на меня стала держать «камень за пазухой», чтобы при удобном случае метнуть его в меня...

В коллективе несколько лет работали две учительницы с тяжёлыми характерами и явно неуравновешенной психикой. Они своими поступками, записками лично мне, в Районо, что их якобы здесь «зажимают и обижают», не мало испортили мне и секретарю парторганизации т. Шешнёву А.В. крови и нервов.

Безусловно, за 10 лет работы были и хорошие факты. Вот некоторые из них: в 1948 году приказом Районо мне была объявлена благодарность за систематическую методическую работу в кустовом методическом объединении.

В августе 1950 года Баландинский Р.В.К. (райвоенкомат) рекомендовал меня преподавателем ЛИЯ (литературы и языка) Саратовского

Суворовского училища. Я ездил в это училище, договорился с начальником - генерал- лейтенантом тов. Смирновым о преподавательской работе, привёз оттуда отношение секретарю Баландинского РК ВКП(б) и зав. Районо Саратовское Суворовское училище), но...

Райком партии и Районо здесь меня не освободили от работы директора школы, и я опять остался в Баландинской средней школе №1.

В эти годы несколько раз избирался в члены Райкома партии, почти каждый год вёл кружок политзанятий то в Райпромкомбинате, то в туберкулёзном санатории, а то в Исполкоме Райсовета. С 1949 года по 1956 год избирался и работал (на общественных началах) уполномоченным (Председателем Правления) районного отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний = Общество «Знание». Ежегодно проводились политические компании по выборам в Верховный Совет СССР, в Верховный Совет РСФСР, в местные Советы и Народные Суды. В этих компаниях я принимал участие в качестве зав. Агитпунктом, то в качестве Председателя участковой избирательной комиссии. Выборы по нашему избирательному участку всегда проходили благополучно и хорошо.

Памятными и радостными событиями - днями были окончание учебных занятий, последние государственные экзамены десятиклассников и выпускные вечера с банкетом! В 1947 - 1949г.г. мы их проводили совместно с женской средней школой, так как выпускников и у нас, и у них было по 30-40 человек. А затем выпускные вечера и банкеты мы проводили одни, то есть выпускники только средней школы №1, так как мы выдавали аттестаты зрелости более, чем 100 человек

Время шло. Сказывались годы. Мне в1956 году стукнуло полсотни лет!

Тяжёлая фронтовая жизнь отложила свой отпечаток на состояние здоровья. Труднейшая работа директором школы отразилась на всём моём организме. Я подал заявление в РК партии (как член КПСС) ив Районо.

Приказом Заведующего ОБЛОНО от 9 июня 1956 года №786 меня, по состоянию здоровья, освободили от обязанностей директора школы, оставив только педагогом старших классов средней школы.

Но недолго я проработал учителем школы! Решением Бюро РК партии и постановлением сессии Баландинского районного Совета депутатов трудящихся в марте месяце 1957 года был выдвинут на новую для меня работу: - Заведующим районным отделом культпросвет работы.

Принял дела. Приступил к деятельности в рай культур. отделе.

Стал знакомиться с кадрами, с обстановкой, документами, характером новой для меня работы. В районе функционировало около 20 клубов, изб-читален, 16 библиотек и 18 кинопередвижек; в самом райцентре: Дом культуры, две библиотеки (для взрослых и детей), Центральный кинотеатр и две стационарные киноустановки - в туберкулёзном санатории и в клубе заготзерно.

Штат самого отдела: заведующий, помощник заведующего - по кинофикации - Василий Михайлович Гадючкин, бухгалтер и инспектор.

Всего в системе культработников и киномехаников работали около двухсот человек.

Нужно, откровенно сказать, что тогда ни РК, ни РИК должного и настоящего внимания работе отдела культуры не уделял. Сама канцелярия была загнана в избу-развалину с облупленными стенами и подслеповатыми-покосившимися окнами с обвалившимся потолком.

Помню, когда «здание» пришло в аварийное состояние и полный упадок, то его (весной 1948 года) совсем разобрали и на этом месте, это Коллективная улица, рядом с помещением Райисполкома выстроили новое здание. А отдел Культуры так и до сих пор приютился в одной из небольших комнат районного Дома Культуры.

В районном отделе Культуры я проработал недолго - все несколько месяцев 1957 года.

В тёплый, солнечный день 23 апреля утром шёл я на работу. Запланировал - днём съездить в один из периферийных очагов культуры - в 3-ю Александровку. Не доходя до отдела - на перекрёстке у мостика РИК а, на углу Советской и Коллективной улиц меня встречает 2-й секретарь РК КПСС Иван Сергеевич Кузнецов. - здравствуйте, Иван Иванович, говорит он. -Здравствуйте, - отвечаю я. Ты посмотри, голубушка, какой денёк, а? Солнце, тепло! Скоро начнётся массовый сев. А вы в отделе культуры с тов. Гадючкиным В.М. все стулья брюками протираете. У тебя, Иван Иванович, свой мотоцикл; сел бы ты на машину, да поехал бы по колхозам - проверил, как твои подопечные клубы, избы-читальни подготовились к политико-массовой работе на весеннем севе? Я ответил, что мы с моим помощником собираемся выехать в район.

На этом наша дружеская беседа закончилась. Наскоро управившись с текущими делами, я пошёл домой, заправил мотоцикл «ИЖ-49» и решил ехать в район 3-ий Александровки.

В эти дни у нас гостил наш зять - Семён Павлович Щукин, муж Веры. Он изъявил желание ехать со мной.

После обеда, часа в 3 дня 23 апреля 1957 года (памятная мне дата!) мы выехали в колхозы им. Ленина и XIX партсъезда и село Совино. Погода нам благоприятствовала: было тихо, солнечно, ясно. Так я ЗДОРОВЫМ выехал из Баланды. Покончив со всеми служебными делами в 3-й Александровке, я решил заехать к знакомым Семёна Павловича - Арбузову Максиму Митрофановичу, проживающему недалеко от Александровки - в деревне Беркаловке. Благо и там было дело: посмотреть и проверить работу Биркаловского сельского клуба, побеседовать с заведующей, оказать ей помощь в работе, если окажется это нужно.

Возвращаясь обратно из служебной поездки, я и Семён Павлович мечтали, что через пару часов будем в Баланде, где нас ожидали Роза и мама, горячий чай, 0,5л.-сорокоградусной и мягкая, чистая постель.

Миновали 3-ю Александровку; не доезжая, примерно, 2-3 км. До села Совино, я заметил на дороге - грейдер торчащего мотоциклиста, застрявшего в ямке и силлившегося выбраться из этого небольшого углубления. Я значительно сбросил скорость и стал тихо подъезжать к встречному мотоциклисту. В этот трагический для меня момент мотоциклист дал своему «М-72», который, наконец вырвался из ямки и помчался на меня. Мне дальше вправо сворачивать было нельзя, так как вдоль бровки грейдера была вода и грязь с только-что растаявшего грязного снега.

ТРАХ! Встречный водитель наскочил на нас, и своим мотоциклом, сильно ударил нас, сбил на землю. Как я узнал после аварии, это был агроном Александровской М.Т.С. - Громовенко Ф.А., который как я выяснил и уточнили Начальник Баландинского Р.О.М. тов. Булатов Н.М. и автоинспектор ГюА.И. тов. Лебедев А.М. выезжавшие на место происшествия, - этот горе-водитель не умел управлять машиной и даже не имел водительских прав.

Громовенко за несколько секунд сделал меня калекой и на всю жизнь инвалидом, а Семёна Павловича сильно ушиб, больно повредив ему ноги...

В горячках я попытался было вылезти из-под своего «ИЖ-49», хотел встать с земли на ноги, но оказалось, что мои обе нижние конечности перебиты в нижней трети, а из голенищ сапог уже начала сочиться кровь. Малейшие движения мне причиняли страшную боль. Щукин С.П. «освободил меня от мотоцикла», поставил его на подножку, выключил работающий мотор. Затем он остановил встречную автомашину, на которой нас с С.П. и мотоциклом довели до медицинского пункта села Совина, где нам оказали первую необходимую медицинскую помощь. Громовенко уехал в Александровскую МТС, мы его отпустили. Хорошо знакомого председателя колхоза им. XIX партсъезда тов. Зайченко К.И., я попросил,

чтобы он на машине своей сельхозартели меня и Семёна Павловича отправил в Баландинскую районную больницу. Спасибо ему: Константин Иванович быстро организовал «ГАЗ-51» его заботливая хозяйка (вероятно, жена) постелила в кузов автомашины сена, дала нам свои подушки, одеяло и тепло нас проводила в Баланду, пожелав нам «скорейшего и полного выздоровления!» Свой мотоцикл, я оставил у тов. Зайченко К.И.

Ночью, часов в 10 вечера мы прибыли в Баландинскую районную больницу, где мне дежурный врач, (ныне покойный - он 29 декабря 1965 года трагически погиб в автомобильной катастрофе), - Александр Никитович Давыдов - вправил кости, поставил их на место, а старшая сестра Мария Дмитриевна Благодарова наложила гипсовые повязки на обе переломанные ноги.

Так 23 апреля 1957 года, выехав из рабочего посёлка Баланда в служебную командировку совершенно здоровым, - я домой возвратился калекой и инвалидом 2-ой группы.

Очевидно, из Софино товарищ Зайченко К.И. об аварии позвонил в райком партии. Когда мы прибыли в районную больницу, то здесь уже нас встречали - зам. Начальника РОМ тов. Мельников Георгий Захарович, автоинспектр А.М. Лебедев и вскоре прибыл один из секретарей РК тов. Варлашов М.Н.

Начались расспросы: как это случилось, кто виноват, не был ли я пьян? И т.д. и т.п. А мы с зятем Семёном Павловичем, кроме чаю, нигде, хмельного и в рот не брали. Это - к лучшему.

Поздно ночью узнала жена Роза, которой дежурный врач сообщил о нашем несчастье. Она тотчас же пришла в больницу.

Посоветовавшись с врачами, она решила утром 24 апреля отправить меня на лечение в Саратовский ортопедический-исследовательский институт, где лечат переломы и исцеляют все недуги.

Заказали самолёт санитарной авиации, который в 12.00.24 апреля 1957 года прибыл на Баландинский аэродром. Проводить меня пришли: мама и коллеги из школы. Роза собралась лететь со мной. В час дня самолёт взял курс на Саратов, через 60 минут мы уже приземлились на Саратовском аэропорту. Автомашина «Скорая помощь» нас доставили на Чернышевскую-150, где в число двухсот человек, лежавших в Институте Востановительной хирургии и ортопедии на излечении, ещё принялся и я.

Дежурный Врач Лидия Ивановна, осмотрела меня, тоже констатировала диагноз: перелом обеих ног, плюс ещё нашла сильный ушиб

головы. Сделав мне санитарную обработку, она меня поместила на третий этаж, в палату № 39.

Ночью я потерял сознание, оказывается самой серьёзной травмой у меня был - ушиб головы: здесь между черепом и кожной оболочкой мозга образовалась гематома (кровоизлияние) от лопнувших в голове кровеносных сосудов; она (гематома) начала давить на головной мозг, в результате чего через час после прибытия в ортопедический институт я потерял полное сознание.

Как после мне рассказывала жена, она сразу подняла тревогу, был срочно вызван хирург Бабиченко Е.И., немедленно мне сделан рентген и нашли место травмы на черепной коробке. Немедленно на операционный стол, заключил Евгений Иванович. Сделали разрез на коже головы, в двух местах «пробили череп», извлекли уже запёкшуюся кровь, зашили кожу на голове, отнесли обратно в палату. Целую неделю я на койке лежал без памяти. Роза в эти семь дней и в последние несколько недель не отходила от моей больничной койки, ночевала здесь же, примостившись на двух табуретках.

Одна правая голень, начала хорошо срастаться, рентгеновский снимок показал, что стала образовываться хорошая мозоль на месте перелома, но левая - ввиду сильного раздробления большой и малой берцовых костей - давала себя сильно знать и не поддавалась лечению, хотя делали кажется, всё: вытяжку ноги на гирих, электролечение, искусственное выпрямление, массаж и т. п.

Теперь уже другой - лечащий хирург - тов. Лившиц Лев Яковлевич - посоветовавших с Розой, сделал мне предложение: провести вторичную операцию. Я дал согласие, снова пришлось лечь на операционный стол. Под руководством Лившица Л.Я., хирурги Гуляев В.Н. и Нина Гермогеновна Перфилова (она наша землячка и Семёна Павловича Щукина дальняя родственница) и врач Хорольская в июле месяце сделали мне новую операцию ноги. Они сломали перелом (т-е образовавшуюся мозоль) на левой ноге, поставили кости голени на место - прямо, скрепили их двумя металлическими стержнями по 28 см. длиной каждый, (так называется «гвоздь профессора Богданова»), наложили новую гипсовую повязку и снова - на больничную койку. В общем и целом, как говорится в Саратовском институте травматологии и ортопедии, я пролежал с 4-ого апреля по 5-ое августа - 167 дней, а ещё дома, в Баланде до 7-ого ноября пролежал на койке и находился на больничном листке.

А виновника моей трагедии Громовенко - 22 июня 1957 года Баландинским народным судом, был приговорён к шести месяцам исправительных работ с удержанием 20% его заработка.

В памяти хорошо сохранился такой эпизод: отъезд из Саратова и прибытие в Баланду. Сестра Розы - Нина Григорьевна - наняла такси, меня отвезли на Саратовский вокзал, там С.М. Тучин и А. Блинов, преподаватели Баландинского училища механизации сельского хозяйства, на носилках внесли меня в вагон поезда Баланда - Саратов - Баланда. Дома знали, что я 5 августа приеду на станцию Баланда, и учительница М.С. Шарова, будучи зам. Директора средней школы №1, организовала мне, если так можно сказать, торжественную встречу: около 2-х десятков педагогов, полсотни моих учащихся, сотрудники школы с букетами цветов пришли к приходу поезда. Секретарь РК партии тов. Зинин выслал за нами автомашину «Победа».

Но больше всех, чисто сердечнее и радостнее всех была мама, которая со слезами радости на глазах встречала нас у дома. К нам с вокзала заехали педагоги.

Дома мне вспомнились стихи сочинённые мною ещё в мае 1950 года.

У кого заботы нет -

Покупай мотоциклет;

И тогда найдёшь работу,

И тогда поймёшь заботу:

То бензину доставай,

То автола добывай.

А поедешь, сам не рад -

Муки примешь - сущий ад.

Там искра в свече пропала,

Шестерня в зазор попала,

На дороге, на мосту

Ковалёв сам на посту (автоинспектор)

- Ваше право на поездку?

И сейчас же Вам повестку (на штраф)

Лишь за то, что быстро ехал

И по левой стороне -

Заплатите штраф казне!

Растрясёт тебя совсем,
Проклянёшь ты всё и всех.
Будешь помнить мотоцикл
И поездки целый цикл.
Вот приехал ты домой,
Тут бы надо на покой.
Но не тут-то дело было
Ничего тебе не мило.
Поругаешься с женой
Не ходи совсем домой.
И решил тогда я так:
Мотоцикл совсем продать!

ФИНАЛ ЭТОГО СТИХА ---23 апреля 1957года, через 7 лет.

Но мотоцикл я не продал,
Ездил я ещё 7 лет,
А весной в дни поездки
Искалечился на век.
Налетел однажды типик
На меня к закату дня,
Перебил Ване голени,
Инвалидом сделав меня.
Истекая кровью, болью
«Трупом» здесь я пролежал
Но попутный автотранспорт
В районную больницу отомчал.
Самолёт отвёз в Саратов
(Это дело - не хитро),
Там полгода находился
И лечился в «ВосХИТО».

После этого лечения
Я приехал в Баланду.
Здесь не нужно мне печенья,
Ни колбас, ни миндалю...
Так закончилась карьера
У меня - у кавалера...

И. Кустов

До 7-ого ноября 1957 года - я находился на больничном листке.

С 9 ноября я вышел на работу - заведующего Районным отделом культуры. Но на государственной службе пробыл только три месяца: здоровье не позволило - ходить было трудно (только «с палочкой»), были головные боли, «гвозди Богданова» в левой ноге мешали нормально передвигаться по рабочему посёлку, а уж выезжать в район я совсем не мог. Я подал Заявление в Исполком Баландинского Райсовета депутатов трудящихся с просьбой освободить меня по состоянию здоровья от работы.

Просьба моя была удовлетворена, с 1 января 1958 года я по инвалидности перешёл на пенсию, сдав дела отдела коммунисту тов. Вьюнову В.С.

В эти годы произошло важное событие в личной, семейной жизни. После моего неполного выздоровления, мама в ноябре 1957 года мне сказала: - Ну, сынок, я собираюсь ехать к дочери Лиде. Ты сам больной, снохе я не нужна. А дочь при моей болезни хоть ухаживать будет за мной!

В конце 1957 года она, мама, Прасковья Степановна, забрав свои личные вещи и кое-что из имущества, уехала в Нижне- Чуйский совхоз, Киргизской ССР.

Вечером 24 января 1959 года мы от сестры получили телеграмму, что наша мама, Кустова Прасковья Степановна, скончалась (умерла).

В 1958 - 1959г.г. мне ещё делали две операции: одну в Саратове, в Институте Восстановительной хирургии - опять разрезали кожу на голове и на место дефекта в черепной коробке вставили «место дефекта - органическим стеклом», а в Баландинской районной больнице, в 1959 году - удаляли металлические стержни из левой голени.

Когда немного поправился после операций, то решил ещё раз съездить в Нижне-Чуйский совхоз (первый раз я был там в июле месяце 1956 года)

В конце апреля 1960 года из Баланды отправился в город Фрунзе - и столицу Киргизской ССР, а оттуда в Нижне-Чуйский совхоз повидать родных: сестру Лидию Ивановну, её мужа Фёдора Григорьевича, их сына, а моего племянника Геннадия с женой Фросей и их дочек - Надю шести лет, Любочку трёх лет и годовалую Веру.

Совхоз Нижне-Чуйский - Богатое и многоотраслевое хозяйство Киргизии. Теперь там сеют пшеницу, сахарную свёклу, культивируют «итальянскую коноплю»; из животных разводят крупный рогатый скот, свиней и много овец.

В совхозе есть больница, средняя школа, библиотека, хороший клуб и аптека. Молодёжь устроила стадион, физкультурную площадку. Разбит парк.

Побывал я на могиле мамы, которая похоронена на кладбище Нижне-Чуйского совхоза, в далёкой от нас Киргизии.

Поля в совхозе, как и во многих хозяйствах Киргизии - поливные, воду берут из протекающей реки Чу - быстрой и холодной. По полям проведены арыки-каналы, в которые вода попадает с помощью насосных станций. Такая станция есть и в совхозе, на ней работает Геннадий - машинистом.

Погостив недели две у сестры и зятя, встретив и проводив там Первомайские праздники - я 8 мая 1960 года отбыл из Фрунзе на станцию Баланда.

После аварии в 1957 году и после того, как Саратовской областной ВТЭК и нашей, районной ВТЭК я признан нетрудоспособным, инвалидом 2-ой группы, уже не работал, а вёл только общественную деятельность. Был пропагандистом кружка по Истории К.П.С.С. в парторганизации Рай потребсоюза, внештатным лектором-пропагандистом Райкома партии, членом комиссии содействия Калининскому Райвоенкомату, ректором народного Университета культуры при ДК, Народным заседателем. Будучи на пенсии, я всё равно вёл лекционную работу, выступал с беседами перед школьниками.

По просьбе Райкома ВКП(б) и Исполкома Баландинского райсовета депутатов трудящихся нам: - поручили собрать материал (в архиве, у знакомых, в Райисполкоме и в школах) и написать очерк истории развития рабочего посёлка Баланда.

Заслуженные учителя Александр Васильевич и Пётр Иванович, имея солидный возраст, будучи коренными жителями нашего села, собрали

материал по истории родных мест главным образом по школам, беседовали с пожилыми жителями, да и сами хорошо помнили события, происходившие более полвека назад. Я получив соответствующие разрешения от Райкома партии и Райисполкома, два раза выезжал в Саратовский парт-архив КПСС, архив МВД нашей области, был в краеведческом музее и Московском музее Михаила Ивановича Калинина, где работал с документами по истории создания парт-ячеек и Советской власти у нас, в Баланде.

В результате большой и кропотливой работы нам удалось составить и написать небольшой очерк истории развития Баланды, (а теперь с 26 июня 1962 года - города Калининска).

Работа эта (очерк) из себя представляет альбом, в 57 листов, написанных на пишущей машинке; в альбоме есть несколько исторических и современных фотографий. Альбом хранится в Парткабинете Калининского Райкома КПСС. Рукопись работы и один экземпляр (копия альбома) есть у меня.

Интересны некоторые такие исторические данные о нашей Баланде:

1) Первые упоминания о нашем селе есть в так называемой «Писцовой книге» Шацкого уезда, Тамбовского наместничества за 1622 год. Где упоминается местность Баландинских юрт, куда из Тамбовской губернии отправлялись на промыслы крестьяне. Это - первое по времени название - Баланда.

Старый учитель (ныне покойный) и местный житель Михаил Иванович Никозаченко в своих исторических записках устанавливает основанием Баланды - 1680 год - то есть 285 лет тому назад.

2) По Всесоюзной переписи населения, проходившей 15 января 1959 года, в рабочем посёлке Баланда на день переписи проживало: мужчин - 5613 человек, женщин - 7630. - всего жителей - 13243 человек. Взрослого населения (т.е. избирателей - 9.520 человек).

НЕЧТО ВРОДЕ ДНЕВНИКА

1963 - 1966г.г.

В 1963 году не работал, так как «ходил в инвалидах», будучи нетрудоспособным.

Весна и лето были тёплые, особенно замечательная осень - сентябрь месяц.

Я даже седьмого числа купался в нашей речке Баланда. А в ноябре месяце шли дожди, молодой город ещё не заасфальтирован, и по улицам грязь, слякоть. Только в декабре хорошо подморозило.

Из личной жизни: ездил в Саратов на семинар пропагандистов, затем, осенью Роза, наша племянница Танюшка и я побывали в городе Ершове у нашего приятеля - прокурора Гюзмана Михаила Ароновича, где жили целую неделю. Немного дома читал художественную литературу; летом тоже немного поливал огород, из привезённой коммун-хозом цистерны с водой - поливал яблони в саду.

В 1964 году погодные условия были более или менее благоприятные: весной - в конце апреля - в мае выпадали хорошие дожди, а в июне - стояли жаркие ясные дни. Что благоприятствовало росту хлебов и хорошему урожаю.

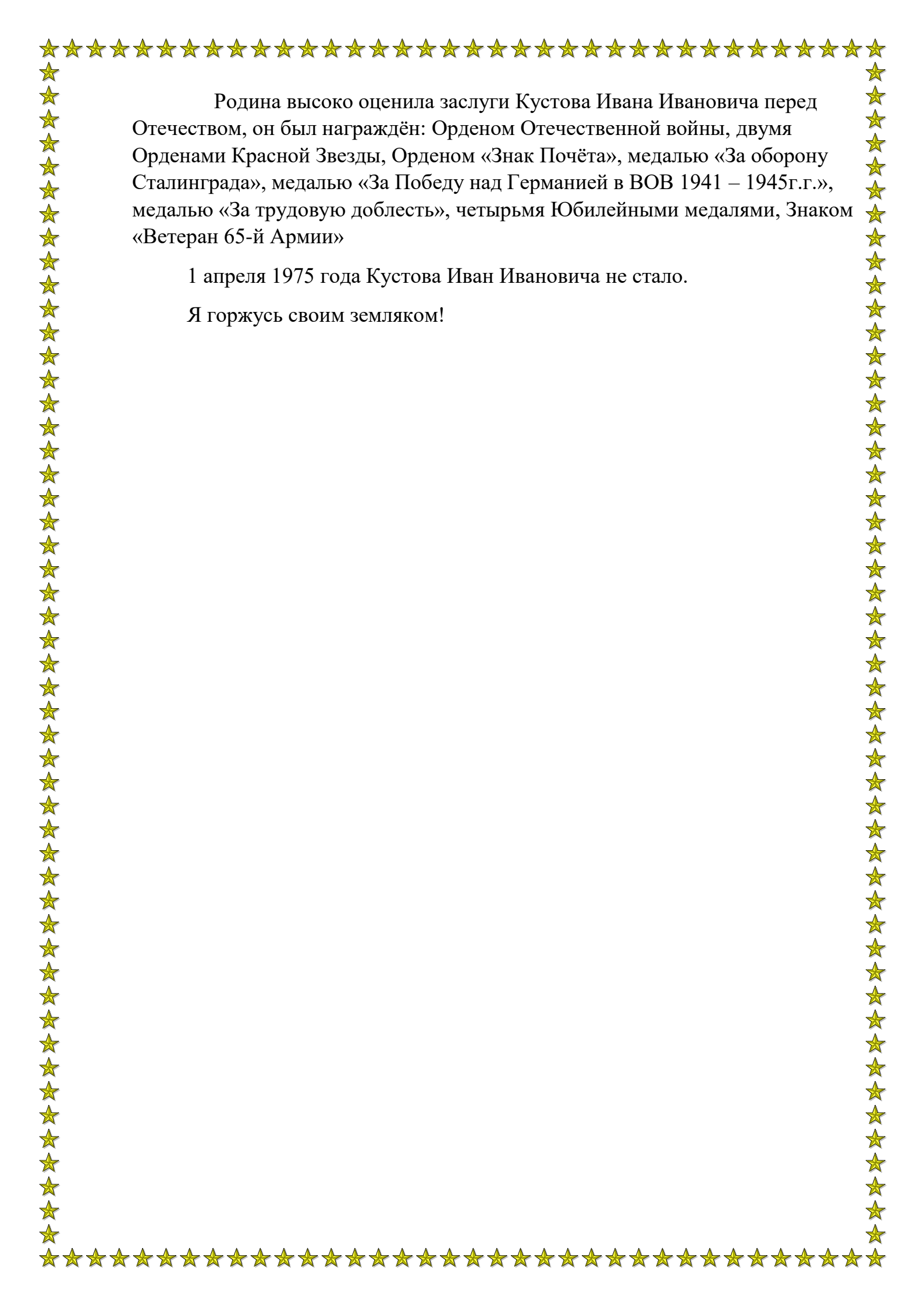
20 июля начали массовую косовицу ржи и яровой пшеницы. В этом, 1964 году наш, Калининский район сдал (продал) государству 9 миллионов пудов хлеба, к седьмому октября - Саратовская область засыпала в закрома государства 200 миллионов пудов зерна, а РФ продала хлеба более 2 миллиардов 135 миллионов пудов.

Летом Роза с племянницей Танюшкой ездили в Москву, где останавливались у наших - Семёна Павловича и Верочки. Жена кое-что купила себе, в частности, шубу-манто, кажется, за 286 рублей. Тане купила шерстяную школьную форму; с нового 1964 - 1965 года она уже будет обучаться в 6 классе. 17 августа на автомашине «ГАЗ - 69» я ездил их встречать на железнодорожную станцию Аткарск Мне на память: была сильную грязь во всю дорогу, и мы еле-еле доехали туда, да не лучше было добираться из города Аткарска до города Калининска.

Осенью была тёплая, последний раз я купался в речке Баланда 1-ого сентября, в этот день я прибыл из сёл Малая Князевка и Колокольцовка, куда по заданию Рай-ОНО и РОМ ездил на пассажирском автобусе проверять. Как прошёл первый день школьных занятий в этих удалённых уголках (45 км. от Калининска). Учёба в этих школах началась организованно и хорошо.

Это всё, что я узнала из воспоминаний участника Великой Отечественной войны - Кустова Ивана Ивановича.

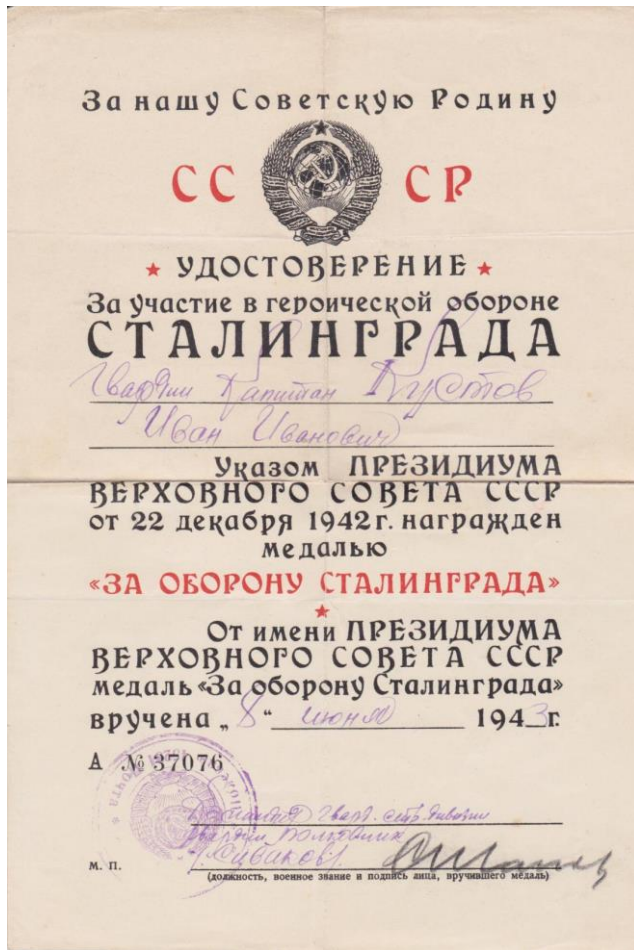

Родина высоко оценила заслуги Кустова Ивана Ивановича перед Отечеством, он был награждён: Орденом Отечественной войны, двумя Орденами Красной Звезды, Орденом «Знак Почёта», медалью «За оборону Сталинграда», медалью «За Победу над Германией в ВОВ 1941 – 1945г.г.», медалью «За трудовую доблесть», четырьмя Юбилейными медалями, Знаком «Ветеран 65-й Армии»

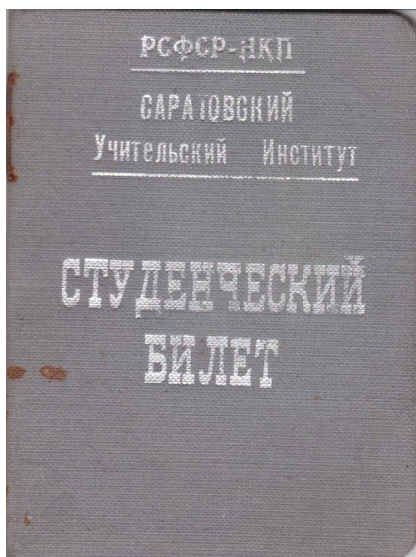
1 апреля 1975 года Кустова Иван Ивановича не стало.

Я горжусь своим земляком!

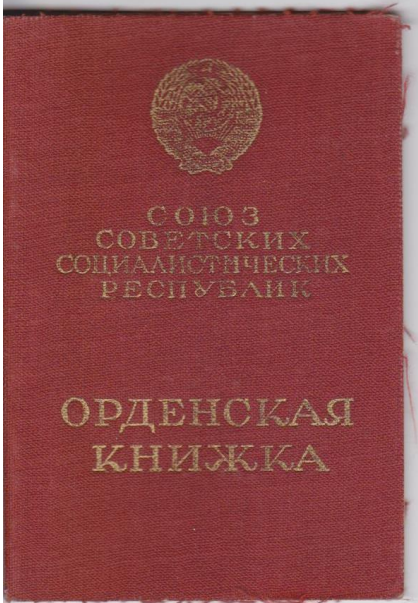
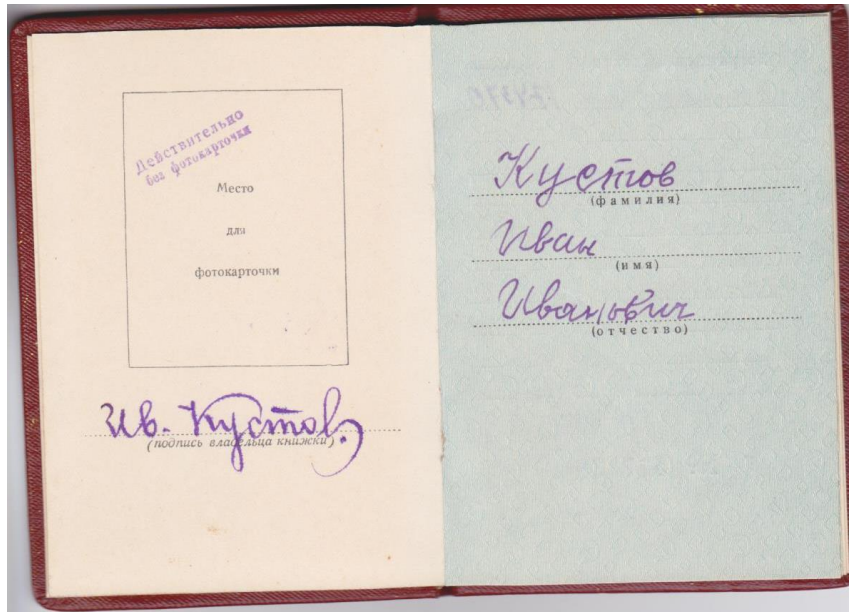
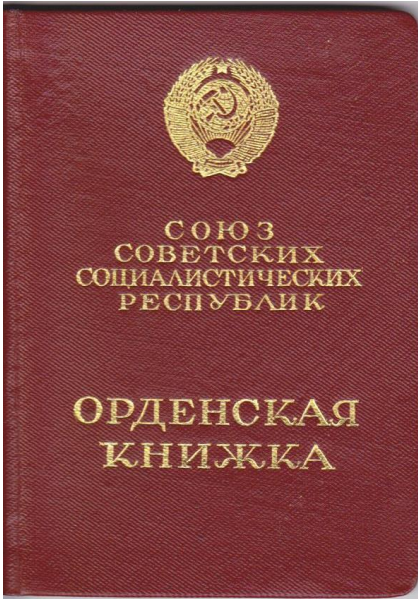
Приложение 1

Приложение 2

Приложение 3

Приложение 4

Награжден орденом	№ ордена	Указом Президиума Верховного Совета СССР
„Знак почета“	124370	от 22 августа 1952 г.
.....	.....	от ..... 19..... г.
.....	.....	от ..... 19..... г.
.....	.....	от ..... 19..... г.
.....	.....	от ..... 19..... г.
.....	.....	от ..... 19..... г.
.....	.....	от ..... 19..... г.
.....	.....	от ..... 19..... г.
.....	.....	от ..... 19..... г.
.....	.....	от ..... 19..... г.

Г № 577338

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин
5 февраля 1952 г.

Награжден орденом	№ ордена
Красной Звезды	190131
.....	.....
.....	.....
.....	.....
.....	.....
.....	.....
.....	.....
.....	.....
.....	.....
.....	.....

Имеет право, начиная с 1 июля 43 г. на получение орденских денежных выдач и на другие льготы и преимущества, согласно Общему положению об орденах Союза ССР.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин
6 апреля 1946 г.

№ 482218

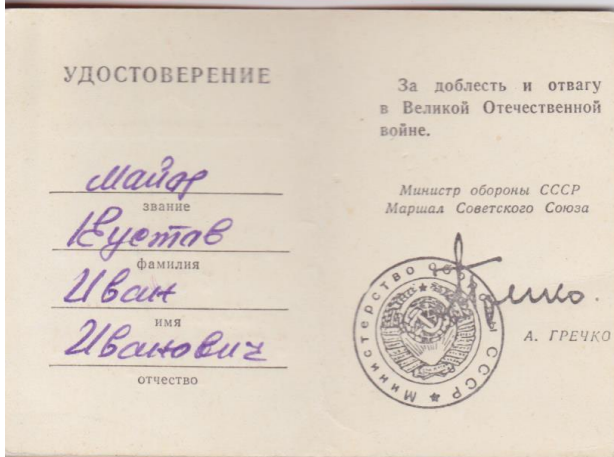
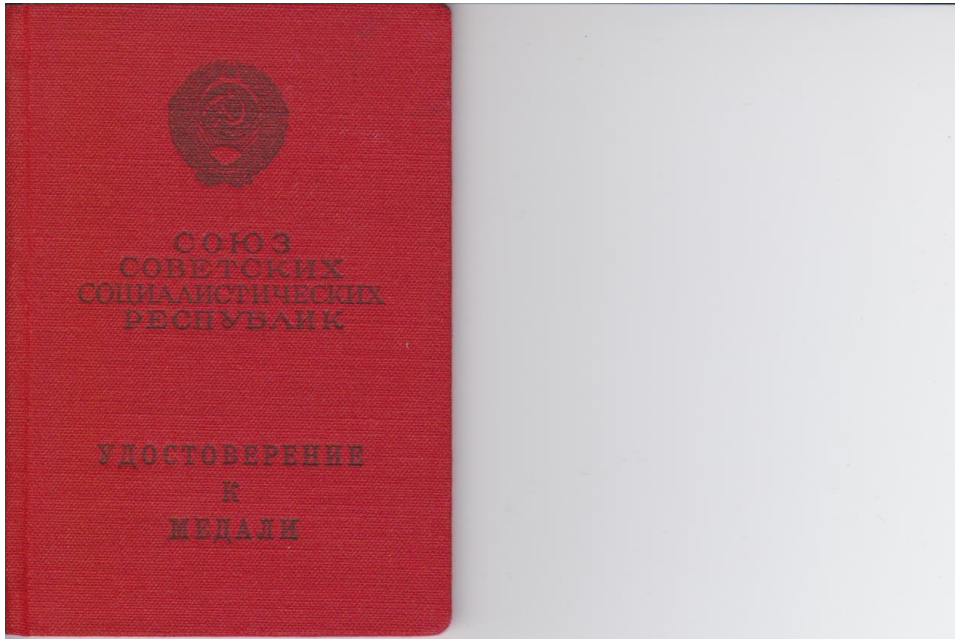
ИЗВЛЕЧЕНИЯ

из „Общего положения об орденах Союза ССР“ (утверждено постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 7 мая 1928 г.).

1. Орден Союза ССР является высшей наградой за особые заслуги в области социалистического строительства и обороны Союза ССР.
3. Орденами Союза ССР могут награждаться как отдельные граждане, так и войсковые соединения и воинские части Рабоче-Крестьянской Красной Армии, предприятия, учреждения и организации.
4. Награжденные орденом Союза ССР могут быть за новые заслуги повторно награждены тем же или другим орденом Союза ССР.
10. Награжденные орденом Союза ССР пользуются лично правом бесплатного про-

3

Приложение 5

Приложение 6

Место для фотокарточки	Кустов (Фамилия) Иван (Имя) Иванович (Отчество)
З.В. Кустов подпись владельца удостоверения	

УДОСТОВЕРЕНИЕ

к знаку
«ВETERАН
65-й
АРМИИ»

Приложение 7

Награжден медалью:

„За трудовую доблесть“

ИЗВЛЕЧЕНИЯ

из „Положения о медали „За отвагу“
(Утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 г.).

1. Медалью „За отвагу“ награждаются военнослужащие рядового, командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Военно-Морского Флота и Войск пограничной охраны за личное мужество и отвагу в боях с врагами Советского Союза на театре военных действий, при защите неприкосновенности государственных границ или при борьбе с диверсантами, шпионами и прочими врагами Советского государства.

2. Награждение медалью производится Президиумом Верховного Совета СССР.

8. Награжденные медалью должны подавать личный пример храбрости, мужества и отваги в борьбе с врагами Советского государства и служить образцом для других граждан при исполнении государственных обязанностей.

5

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин

В № 998967

12 августа 1949.

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Гвардии капитан
Жуков
Иван Иванович

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР от 9 мая 1945 года
НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ ВРУЧЕНА

1945 г.

М. П. *Иванов*
М. П. *Иванов*

М. П. *Иванов*
М. П. *Иванов*

Приложение 8

„ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Кустов

Иван

Иванович

В СООТВЕТСТВИИ С УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от *7 мая* 1965 года

НАГРАЖДЕН ЮБИЛЕЙНОЙ МЕДАЛЬЮ

„ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ ВРУЧЕНА

23 «*сентября*» 1965 года

М. П. *Калининский Райвоенком*
(должность, воинское звание и подпись лица,
Полковник Зеленцов
вручившего медаль)

„50 лет ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Кустов

Иван Иванович

В СООТВЕТСТВИИ С УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ОТ 26 ДЕКАБРЯ 1967 ГОДА

НАГРАЖДЕН ЮБИЛЕЙНОЙ МЕДАЛЬЮ
„50 ЛЕТ ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ СССР“

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ ВРУЧЕНА

6 «*марта*» 19*69* года.

М. П. *Зеленцов*
(должность, воинское звание и
Полковник райвоенком
полковник ЗЕЛЕНЦОВ
подпись лица, вручившего медаль)

Приложение 9

Выдано Т.Е. капитану
Кустову Ивану Ивановичу

в том, что он 22 ноября 1943 года поступил и 10 сентября 1944 года окончил Общевоинской факультет Высших Всеармейских Военно-Политических Курсов ГлавПУРКА (по 10-месячной программе).

За время учебы тов. Кустов Иван Иванович

сдал нижеследующие дисциплины:
 Великая Отечественная война Хорошо
 Основы марксизма-ленинизма Хорошо
 Партиполитраба в Красной Армии Хорошо
 История СССР Отлично
 Общая тактика (за полк) Отлично
 Оружие пехоты и огневая подготовка хорошо

Кроме того, прослушал курс лекций по следующим дисциплинам:
 История войн и военного искусства.
 История международных отношений и внешняя политика СССР (сокращенный курс)
 Политическая и военная география (сокращенный курс)

Начальник курсов Моло
 иврдии полковник (Ковалевский)

10. Сентябрь 1944 г.

№ 3529 г. Москва.

1. Март 1947 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № _____

Предъявитель сего тов. Кустов Иван Иванович состоит в службе в Баландинский в должности Директора Баландинского собственноручн. подпись _____ Действительно по "1" июля 1947 г.

Срок пролежит по 31 декабря 1947 г.

Срок пролежит по 31 декабря 1948 г.

Срок пролежит по 31 мая 1950 г.

Срок пролежит по 31 мая 1951 г.

Срок пролежит по 31 мая 1952 г.

Срок пролежит по 31 мая 1953 г.

Срок пролежит по 31 мая 1954 г.

Срок пролежит по 31 мая 1955 г.

Срок пролежит по 31 мая 1956 г.

Срок пролежит по 31 мая 1957 г.

Срок пролежит по 31 мая 1958 г.

Срок пролежит по 31 мая 1959 г.

Срок пролежит по 31 мая 1960 г.

Срок пролежит по 31 мая 1961 г.

Срок пролежит по 31 мая 1962 г.

Срок пролежит по 31 мая 1963 г.

Срок пролежит по 31 мая 1964 г.

Срок пролежит по 31 мая 1965 г.

Срок пролежит по 31 мая 1966 г.

Срок пролежит по 31 мая 1967 г.

Срок пролежит по 31 мая 1968 г.

Срок пролежит по 31 мая 1969 г.

Срок пролежит по 31 мая 1970 г.

Срок пролежит по 31 мая 1971 г.

Срок пролежит по 31 мая 1972 г.

Срок пролежит по 31 мая 1973 г.

Срок пролежит по 31 мая 1974 г.

Срок пролежит по 31 мая 1975 г.

Срок пролежит по 31 мая 1976 г.

Срок пролежит по 31 мая 1977 г.

Срок пролежит по 31 мая 1978 г.

Срок пролежит по 31 мая 1979 г.

Срок пролежит по 31 мая 1980 г.

Срок пролежит по 31 мая 1981 г.

Срок пролежит по 31 мая 1982 г.

Срок пролежит по 31 мая 1983 г.

Срок пролежит по 31 мая 1984 г.

Срок пролежит по 31 мая 1985 г.

Срок пролежит по 31 мая 1986 г.

Срок пролежит по 31 мая 1987 г.

Срок пролежит по 31 мая 1988 г.

Срок пролежит по 31 мая 1989 г.

Срок пролежит по 31 мая 1990 г.

Срок пролежит по 31 мая 1991 г.

Срок пролежит по 31 мая 1992 г.

Срок пролежит по 31 мая 1993 г.

Срок пролежит по 31 мая 1994 г.

Срок пролежит по 31 мая 1995 г.

Срок пролежит по 31 мая 1996 г.

Срок пролежит по 31 мая 1997 г.

Срок пролежит по 31 мая 1998 г.

Срок пролежит по 31 мая 1999 г.

Срок пролежит по 31 мая 2000 г.

Срок пролежит по 31 мая 2001 г.

Срок пролежит по 31 мая 2002 г.

Срок пролежит по 31 мая 2003 г.

Срок пролежит по 31 мая 2004 г.

Срок пролежит по 31 мая 2005 г.

Срок пролежит по 31 мая 2006 г.

Срок пролежит по 31 мая 2007 г.

Срок пролежит по 31 мая 2008 г.

Срок пролежит по 31 мая 2009 г.

Срок пролежит по 31 мая 2010 г.

Срок пролежит по 31 мая 2011 г.

Срок пролежит по 31 мая 2012 г.

Срок пролежит по 31 мая 2013 г.

Срок пролежит по 31 мая 2014 г.

Срок пролежит по 31 мая 2015 г.

Срок пролежит по 31 мая 2016 г.

Срок пролежит по 31 мая 2017 г.

Срок пролежит по 31 мая 2018 г.

Срок пролежит по 31 мая 2019 г.

Срок пролежит по 31 мая 2020 г.

Срок пролежит по 31 мая 2021 г.

Срок пролежит по 31 мая 2022 г.

Срок пролежит по 31 мая 2023 г.

Срок пролежит по 31 мая 2024 г.

Срок пролежит по 31 мая 2025 г.

Срок пролежит по 31 мая 2026 г.

Срок пролежит по 31 мая 2027 г.

Срок пролежит по 31 мая 2028 г.

Срок пролежит по 31 мая 2029 г.

Срок пролежит по 31 мая 2030 г.

Срок пролежит по 31 мая 2031 г.

Срок пролежит по 31 мая 2032 г.

Срок пролежит по 31 мая 2033 г.

Срок пролежит по 31 мая 2034 г.

Срок пролежит по 31 мая 2035 г.

Срок пролежит по 31 мая 2036 г.

Срок пролежит по 31 мая 2037 г.

Срок пролежит по 31 мая 2038 г.

Срок пролежит по 31 мая 2039 г.

Срок пролежит по 31 мая 2040 г.

Срок пролежит по 31 мая 2041 г.

Срок пролежит по 31 мая 2042 г.

Срок пролежит по 31 мая 2043 г.

Срок пролежит по 31 мая 2044 г.

Срок пролежит по 31 мая 2045 г.

Срок пролежит по 31 мая 2046 г.

Срок пролежит по 31 мая 2047 г.

Срок пролежит по 31 мая 2048 г.

Срок пролежит по 31 мая 2049 г.

Срок пролежит по 31 мая 2050 г.

Срок пролежит по 31 мая 2051 г.

Срок пролежит по 31 мая 2052 г.

Срок пролежит по 31 мая 2053 г.

Срок пролежит по 31 мая 2054 г.

Срок пролежит по 31 мая 2055 г.

Срок пролежит по 31 мая 2056 г.

Срок пролежит по 31 мая 2057 г.

Срок пролежит по 31 мая 2058 г.

Срок пролежит по 31 мая 2059 г.

Срок пролежит по 31 мая 2060 г.

Срок пролежит по 31 мая 2061 г.

Срок пролежит по 31 мая 2062 г.

Срок пролежит по 31 мая 2063 г.

Срок пролежит по 31 мая 2064 г.

Срок пролежит по 31 мая 2065 г.

Срок пролежит по 31 мая 2066 г.

Срок пролежит по 31 мая 2067 г.

Срок пролежит по 31 мая 2068 г.

Срок пролежит по 31 мая 2069 г.

Срок пролежит по 31 мая 2070 г.

Срок пролежит по 31 мая 2071 г.

Срок пролежит по 31 мая 2072 г.

Срок пролежит по 31 мая 2073 г.

Срок пролежит по 31 мая 2074 г.

Срок пролежит по 31 мая 2075 г.

Срок пролежит по 31 мая 2076 г.

Срок пролежит по 31 мая 2077 г.

Срок пролежит по 31 мая 2078 г.

Срок пролежит по 31 мая 2079 г.

Срок пролежит по 31 мая 2080 г.

Срок пролежит по 31 мая 2081 г.

Срок пролежит по 31 мая 2082 г.

Срок пролежит по 31 мая 2083 г.

Срок пролежит по 31 мая 2084 г.

Срок пролежит по 31 мая 2085 г.

Срок пролежит по 31 мая 2086 г.

Срок пролежит по 31 мая 2087 г.

Срок пролежит по 31 мая 2088 г.

Срок пролежит по 31 мая 2089 г.

Срок пролежит по 31 мая 2090 г.

Срок пролежит по 31 мая 2091 г.

Срок пролежит по 31 мая 2092 г.

Срок пролежит по 31 мая 2093 г.

Срок пролежит по 31 мая 2094 г.

Срок пролежит по 31 мая 2095 г.

Срок пролежит по 31 мая 2096 г.

Срок пролежит по 31 мая 2097 г.

Срок пролежит по 31 мая 2098 г.

Срок пролежит по 31 мая 2099 г.

Срок пролежит по 31 мая 2100 г.

Управление внутренних дел Саратовского облисполкома

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 04657

Выдано Кустову Ивану Ивановичу

в том, что он является внештатным сотрудником милиции.

Зав. Начальник органа ВД М. Д. Сидоров

Заказ 1681

Действительно по 31 декабря 1973 г.
 Срок действия продлен по 31 декабря 1974 г.

И.В. Кустов
 личная подпись
 Зав. Начальник органа ВД М. Д. Сидоров

Приложение 10

20. Декабря 1933 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 14

Пред'явитель сего тов. Кустов Иван Иванович состоит на службе в Саратовском обл. Управделами в должности Секретаря

Собственноручн. подпись Кустов Иван Иванович
 Действителен по "30" Октября 1934 г.

Управделами Кустов

Срок продлен по 31. Декабря 1934 г.
 м. п. Управделами Кустов

Срок продлен по 10. Октября 1935 г.
 м. п. Управделами Кустов

Срок продлен по " " 19 г.
 м. п. Управделами

Срок продлен по " " 19 г.
 м. п. Управделами

Р. С. Ф. С. Р.
 Н. К. П.
 Саратовский Областной Исполнительный Комитет Советов РК и КД Саратовский Областной отдела народного образования

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Удостоверение личности

Фамилия Кустов
 Имя Иван
 Отчество Иванович
 Год рождения 1906
 Действительно состоит в должности Секретаря Саратовского областного отдела народного образования

Зав. ОблОНО Кустов
 Управделами Кустов

Удостоверение продлено 30. Января 1934 г.
 Зав. ОблОНО Кустов
 Управделами

Удостоверения продлено 193 г.
 Зав. ОблОНО
 Управделами

Удостоверение продлено 193 г.
 Зав. ОблОНО
 Управделами

Област С-147, Тираж 800, Зав. № 302, Саратов. Тип. „Коммунист“

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»
 Общество «Знание» РСФСР

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 477107

Фамилия Кустов
 Имя Иван
 Отчество Иванович
 Личная подпись Ив. Кустов

Наименование организации, выдавшей билет
Коллектив ОблОНО

Время вступления в Общество
 м. п. 15» января 1950

Председатель правления (первичной) организации Кустов

Тип. «Знание». Зак. 391р

Приложение 11

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Имеет право управления мотоциклами всех марок.
Выдано Квалификационной комиссией Госавтоинспекции Управления милиции

Сарайтовской
обл.

на основании протокола № *27* от *15 июля* 19*55* г.

Председатель Квалификационной комиссии
Г. В. [подпись]
(подпись)
15 июля 19*55* г.
(дата выдачи)

ВОДИТЕЛЬ МОТОЦИКЛА

Фамилия *Кустов*
Имя *Иван*
Отчество *Иванович*
Стаж с *24 июля* 19*50* г.

Личная подпись водителя *Кустов*

М. П. М. П.

Для особых отметок

Москва. Гознак. 1949.

Управление Милиции МВД/УМВД *Сарайтов*

ТАЛОН

на право управления *Мотоциклами*
в течение 6-ти суток с момента задержания удостоверения

Фамилия водителя *Кустов*
Имя *Иван*
Отчество *Иванович*
Удостоверение водителя № *273021* серия *БХ*
Паспорт № *11-910-505939*

Должность и фамилия лица, выдавшего талон
3-й подполковник [подпись]
Сарайтов
15 июля 1955 г.

Приложение 12

НА ГРУДНОЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЗНАК ВЫДАН

ДИПЛОМ

№ 069826

Предъявитель сего тов. *Кустов*
Иван Иванович

в 1933 г. поступил и в 1938 г. окончил *полно*
полный курс *Саратовского*
Государственного педагогического
института
по специальности *"Русский язык и*
литература"

и решением
Государственной Экзаменационной Комиссии
от *13 октября* 1938 г. ему присвоена
квалификация *педагогов средних*
школ по русскому яз. и литературе

 Иванов
Директор
М. П. *Иванов*
Секретарь
Город *Саратов* 1938 г.
Регистрационный № *4*

Мособгарант № Г-14024, Зак. № 14-1205. Москва, Гоэник, 1939.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

Гражданин *Кустов*
Иван Иванович
(фамилия, имя и отчество)
1906 года рождения *г. Камышинск*
Камышинского р. на
Саратовской обл.
(место рождения)

и гражданка *Головоцова*
Роза Тригариевна
(фамилия, имя и отчество)
1922 года рождения *м.с. Роза-*
Люксийбург Камышинского
р. на Саратовской обл.
(место рождения)

вступили в брак *1947 года*
Мясца девятая
(прописью и цифрами)
сорок седьмого
года
(год, месяц и число)

о чем в книге записей актов гражданского состояния
о браке 1947 года *марта* месяца
17 числа произведена соответствующая запись
за № *27*

После регистрации брака присвоены фамилии:
мужу *Кустов*
жене *Головоцова*

Место регистрации *Камышинск*
(наименование)
Рай Зап
и местонахождение бюро ЗАГС)
Саратовской обл.

Дата выдачи *17 марта 1947*
г.

 М. П. *И. П. Л.* № 264750
Заведующий Бюро записей *Иванов*
актов гражданского состояния

A decorative border of yellow stars with black outlines surrounds the entire page. The stars are arranged in a rectangular frame, with a slightly thicker line at the corners.

Источники

1. Фотографии и документы из личного архива племянницы, Серединой Татьяны Викторовны.